

16+

Ежевика

Двери лабиринта

Ежевика

Двери лабиринта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42875108

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-09913-5

Аннотация

Как найти выход из лабиринта? Как понять сон это или реальность? Просто. Для того чтобы отличить сон от реальности надо просто проснуться. Но так ли это легко на самом деле? Есть ли у сна выход, как у лабиринта? Маргарита уже давно ищет ответ на этот вопрос. В оформлении обложки использована фотография "Зеркала". Автор Круцких Л.А.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	29
Глава третья	50
Глава четвертая	78
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ежевика

Двери лабиринта

Глава первая

На улице сырость, лужи после дождя. Ночь. Я иду одна по улице. Только фонари освещают мой путь. Страшно. Куда я иду? Зачем? Я не понимаю, но я знаю, что надо идти, надо успеть. Цокот моих каблучков разносится по всей улице, ударяясь эхом об асфальт и здания. И больше не слышно ничего. Свет фонарей отражается в лужицах, разбросанных небрежно на дороге, словно маленькие осколки зеркала. На улице ночь, но на небе совсем не видно звезд. Только лишь одно черное месиво. Почему? Вокруг чернота, единственное, что хорошо видно, это дорога, по которой я иду. Более нет ничего, кроме густой темноты вокруг.

– Эй, здесь есть кто-нибудь? – осторожно спрашиваю я. Но ответа не следует. Я оглядываюсь, пытаюсь всмотреться в темноту, окружающую меня, но ничего не видно.

Вдруг фонари начинают меркнуть. Темнота сгущается. Я останавливаюсь, меня словно парализует. Очень страшно. Зловещая тишина только подпитывает мой страх, не давая ему уйти. Все. Вокруг только одна чернота. Ид-

ти страшно – не знаю куда приду. Стоять на месте еще страшнее – никто не знает, что настигнет меня в этой темноте. Но вдруг вдалеке загорается огонек. Я не знаю что это – то ли фонарь, то ли огонь, но для меня это луч надежды. Я срываюсь и бегу, не смотрю под ноги, просто бегу к своей цели, пытаюсь убежать от этой черноты. Эхом раздается стук моих каблуков. Иногда мне кажется, что это кто-то другой бежит за мной. От быстрого бега сердце начинает стучать быстрее, сравниваясь с цокотом каблуков, а затем перегоняя его по частоте. Силы заканчиваются, и мне ничего не остается, как только остановиться. Я часто дышу, пытаюсь прийти в себя и успокоиться.

Я оборачиваюсь, но позади нет ничего кроме темноты. Я поворачиваю голову обратно вперед и вижу, что впереди тоже темнота. Спасительный свет куда-то исчез. Я смотрю по сторонам – но все что я вижу это чернота. Ничего кроме нее. Я перестаю понимать, куда я бежала и откуда я пришла. Голова начинает кружиться, а зацепиться взглядом не за что. Кажется, что чернота съела все вокруг. Я опускаю взгляд вниз на свои руки. Но снова ничего не вижу. Может это я ослепла? Я пытаюсь двигать руками и поймать взглядом хоть какое-то движение, хотя бы малейший незначительный блик. Но у меня ничего выходит. Паника. Из всех чувств, охвативших меня, осталась только паника и еще неизбежность, но пока не до нее. Я не выдерживаю, приседаю, закрываю лицо руками, хотя это совершенно не

обязательно. Ведь в любом случае вокруг лишь одна чернота. Я пытаюсь закричать, но не получается.

Но вдруг что-то происходит. Даже сквозь мои сжатые пальцы и ладони я вижу свет. Неужели все закончилось? Я убираю руки, чтобы понять, что же произошло.

Я стою посреди какой-то знакомой улицы. Мимо меня идут по своим делам люди. Солнце светит ярко, нет больше ни луж, ни сырости. Может мне все просто показалось? Неужели у меня галлюцинации? Я стою прямо посередине улицы, благо она пешеходная, иначе меня бы сбила какая-нибудь машина. Люди не обращают на меня внимания, хоть я и стою столбом и озираюсь по сторонам. Значит, все-таки ничего этого не было. Не знаю, стоит ли мне успокоиться или все же лучше начать волноваться. Надо просто перестать уже об этом думать и заняться чем-то более полезным и нужным. Только вот чем? Куда я шла? Что я собиралась делать? Почему я здесь? Почему я стою на улице? Передо мной почему-то предстает странный образ. Я вижу перед собой молодого человека, мы идем с ним вместе по дороге. Кто же он такой? Муж? Нет, точно нет, я в этом уверена. Парень? Нет. Кажется, это мой друг, даже больше чем друг. Он словно брат мне, да именно такие чувства, я испытывала, когда смотрела на него. Но где он? Почему его образ появился в моей голове так внезапно? Почему сейчас я стою одна? Где же он? И как его зовут? Почему я этого не могу вспомнить. Как будто имя крутится на языке, но

никак не придет в голову. И как зовут меня? Как меня зовут!?! Почему я этого тоже не помню? Надо успокоиться и попытаться вспомнить. Я пытаюсь вспомнить, но никак не получается.

– Маргарита! – кто-то зовет меня из толпы. Точно, меня ведь зовут Маргарита. Как я могла забыть. Какая-то девушка подбегает ко мне. Ее лицо мне кажется одновременно и знакомым и чужим. Что же происходит с моей памятью? – Привет! Ты на работу идешь? Идем вместе. – после чего она берет меня за руку и ведет куда-то. Я молчу, ничего не говорю и просто позволяю ей вести меня за собой.

Всю дорогу она продолжает о чем-то говорить, но я не обращаю на это особого внимания. Я лишь понимаю, что она говорит о том, что она делала сегодня и то, что вроде бы была рада встретить меня по пути на работу. Видимо эта девушка еще та болтушка. Но где я работаю? Я не помню даже этого. Может быть я не Маргарита? Может быть, эта девушка меня с кем-то перепутала? Нет, ведь она все же кажется мне знакомой. Пока я была в раздумьях, а она в разговорах, я и не заметила, как мы дошли до остановки. Я повернула голову, чтобы еще раз ее внимательно рассмотреть, и вдруг поняла, что я стою на остановке одна. Девушки словно и не было. Неужели я схожу с ума? У меня точно галлюцинации. И память никак не возвращается.

К остановке подъехал автобус. Его двери открываются,

я захожусь внутрь. Я не знаю зачем, но мне кажется, что так надо. А еще нужно оплатить проезд, а я даже не знаю, есть ли у меня с собой деньги. На моем плече, все это время висела сумка, а я даже и не заметила. Я открываю ее, захожусь деньги и отдаю кондуктору. Затем иду и сажусь на свободное место, к счастью таких много. Я еду и смотрю в окно. Вроде бы улицы мне знакомы, я их знаю, точно знаю. Но не помню их названия. Хотя ведь многие улицы похожи друг на друга. Так что не факт, что я точно знаю эти улицы и дворы. Я даже не знаю, что это за город, в котором я сейчас нахожусь. Живу ли я здесь? Или нет? Может, я просто сюда приехала к кому-то в гости? Я не знаю, но я уверена, что сейчас мне нужно выйти.

Я выхожу из автобуса и понимаю, куда я должна идти. И я просто доверяюсь своим чувствам и иду. Я иду по улице, и кажется, что какие-то воспоминания начинают возвращаться ко мне. В моей голове стоит картинка. Я вижу большой, просто огромный дом, который окружает прекрасный сад. В саду стоят качели. Но это не мой дом, он слишком красивый. Я не знаю откуда, но я уверена, что всегда жила бедно. Хотя, может быть и мой. Он кажется таким далеким, словно из раннего детства, которое обычно все плохо помнят. А может мне просто кажется? Но почему тогда я вспоминаю именно этот дом? Наверное, мне нужно пойти в полицию, там поймут и разберутся, кто я и откуда. Но с другой стороны, зачем мне туда идти? Мо-

жет ноги сами приведут меня туда куда надо, и я сама все вспомню и пойму.

Вдруг я слышу визг тормозов. А затем глухой удар. В той стороне, где были слышны эти звуки, собралась целая толпа зевак. Не понимаю зачем, но я тоже решила туда пойти. Я с трудом пробираться сквозь толпу и замираю. На дороге стояла машина, она была сильно помята спереди. А в нескольких метрах от нее лежали двое – парень и девушка. Девушка лежала спиной ко мне, а парень наоборот лицом. Его лицо кажется знакомым, но узнать я его не могу. Его задело не так сильно, только ноги были немного в крови и на руках и лице небольшие царапины. А вот у девушки травма была серьезнее, это было понятно даже со спины. Видимо одна ударилась сильно головой при падении о бордюр. Ее волосы были в крови. Но большие вроде бы травм не было. Я обошла, чтобы получше рассмотреть. Ее лицо тоже было залито кровью. Я подошла поближе, и ее лицо повергло меня в шок. Потому что это была я. Это было мое лицо. Это точно была я.

Но ведь это невозможно. Ведь я сейчас стою здесь. Я смотрю на свои ноги и вдруг понимаю, что они не мои. И руки тоже не мои. Я подбегаю к ближайшей машине, чтобы убедиться, что это всего лишь показалось мне. Я смотрю на свое отражение в окне машины и понимаю, что это не я. Там отражался какой-то мужчина, а не я. Паника охватывает меня, и я кричу от страха.

И вдруг все меняется. Я в больнице. В коридоре бегают врачи. Я в своей палате, сижу на своей кровати. Со мной в палате еще люди. Неужели я отключилась, и меня забрали в больницу? Я уже ничего не понимаю.

Наверное, я действительно сошла с ума. У меня точно не в порядке с головой. Интересно, врачи уже это поняли? Я в психушке? Или в простой больнице? На психиатрическую больницу она не похожа. Все-таки наверное это обычная поликлиника. Если врачи поймут что у меня поехала крыша, то точно запрут меня где-нибудь. Значит, я должна бежать.

Я медленно встаю, оглядываюсь. Никто не обращает на меня внимания. На мне лишь одна больничная сорочка, я даже не знаю где моя одежда и все вещи, что были при мне. Но делать нечего, пойду прямо так. Я выхожу из палаты и стараюсь не привлекать лишнее внимание. Я иду медленно, делаю вид, что иду по каким-то больничным делам.

– Маргарита. – раздается чей-то очень знакомый мне голос. Такой родной, такой ностальгический. Я оборачиваюсь. Ищу глазами того, кто мог меня позвать. Но не вижу никого. – Маргарита. – снова раздается голос, очень громко. Но почему-то никто вокруг не обращает на него внимания. Неужели его слышу только я? Не может быть. – Маргарита. – снова зовет меня этот приятный голос. Это голос мужчины. Кто же это? Я иду на голос, пытаюсь найти его обладателя. Я захожу в разные палаты и даже кабинеты,

но все безуспешно. Почти безуспешно. Все-таки в одной из палат, которая была пустой, на момент когда я вошла, на кровати лежала чья-то одежда, и я решила ее позаимствовать. Конечно, это не очень хорошо. Но она мне сейчас очень нужна. Надеюсь, владелица не будет на меня сильно злиться, но мне она действительно необходима. Наверное.

Я быстро беру одежду и ухожу из этой палаты, чтобы случайно не столкнуться с той, кому принадлежит украденная мной одежда. К счастью, я с легкостью добираюсь до туалета. Я захожу в кабинку и переодеваюсь. Больничную сорочку я аккуратно складываю и оставляю на раковине. Теперь я могу уже спокойно выйти из больницы. Я выхожу из туалета, направляясь к выходу. И снова мне везет, никто меня не останавливает, никто не узнает во мне свою пациентку, и я благополучно выхожу из поликлиники. Но что мне делать дальше? Куда идти? Может мне не стоит уходить? Может, я действительно больна, и мне лучше остаться здесь? Но я всегда боялась больниц. Я их ненавижу, сама не знаю почему, но в том, что я их ненавижу, я точно уверена.

И снова я отдаюсь своим ощущениям и иду туда, куда ведет меня сердце. У меня нет памяти, нет денег, нет еды и воды, я ничего не знаю о себе. Меня снова охватывает паника. Я чувствую себя беспомощной и маленькой в этом огромном и беспощадном мире. Но может быть, мне повезет? Может, кто-нибудь узнает меня? Может быть, мне кто-ни-

будь поможет? Я просто продолжаю идти вперед. Начинается дождь. Люди пробегают мимо меня, открывают свои зонты. Все они словно не замечают меня, словно им наплевать на меня, словно я призрак. Да, может быть я и никто в этой жизни. Но неужели так сложно помочь человеку? Неужели так сложно просто остановиться и спросить, нужна ли помощь? Почему люди такие равнодушные? Ведь я же простой человек, как и они. Я же не заразная. Почему так? Я иду под дождем, без зонта, в больничных тапочках, в обычной одежде, которая уже промокла насквозь. Но я все равно продолжаю идти. Через час дождь прекращается, появляется солнца, и понемногу моя одежда сохнет. Но это ненадолго. Вскоре солнце начинает клониться к закату. Как же долго я все-таки уже иду. Сумерки начинают поглощать все вокруг. На улицах включаются фонари, в окнах домов зажигается свет. После сумерек, наступает очередь ночи поглощать этот мир.

Холодно. Сыро. В лужах отражается свет фонарей. Я иду одна по дороге. Снова. Свет из окон домов куда-то делся. Снова мой путь освещают фонари и за их пределами ничего не видно. Вокруг тишина и только стук моих каблучков раздается по округе. Паника словно обосновалась внутри меня и никак не хочет никуда уходить. И кажется, что темнота снова идет в наступление. Чернота начинает поглощать даже свет от фонарей. Нет, только не снова. Опять это чернота. Она словно преследует меня. Я срываюсь на

бег, пытаюсь спастись, убежать. Но она настигает меня, я ничего не вижу вокруг. Нет! Нет, только не это. Я закрываю лицо руками, которых не вижу, и кричу изо всех сил.

И снова все меняется. Снова я стою на улице. Солнце светит ярко над головой. По улице идут люди. Они проходят мимо меня, словно не замечая. И вновь из толпы девушка зовет меня по имени. Неужели все снова повторяется? Эта моя знакомая начинает меня куда-то вести.

– Ты ведь на работу идешь? Пойдем вместе. – снова все повторяется. Надо это как-то прекратить.

– Нет, извини, я не могу. Я должна идти. – отвечаю я и не давая ей опомниться скрываюсь в толпе.

Я не очень понимаю, что со мной происходит. Может это какое-то наказание? Или может я и правда сошла с ума и все это происходит лишь в моей голове? Я не знаю. Но надо что-то делать. Надо искать выход из этой кошмарной и непонятной ситуации. Если повторились первые два случая, значит, следующее что я увижу – это авария, где я увижу саму себя, а потом снова окажусь в больнице. Значит, главное не попасть на ту дорогу, где будет авария. Но она точно далеко, ведь в прошлый раз я доехала до того места на автобусе. К тому же сейчас я иду в другую сторону вроде бы. Наверное, сейчас лучше остановиться и подождать, посмотреть, что же произойдет дальше.

Я останавливаюсь, смотрю по сторонам. Той девушки не видно, значит, она не пошла за мной. Аварии тоже не вид-

но поблизости. Все спокойно. Можно пока что присесть на какую-нибудь лавочку и просто переждать. Просто подождать. Я сажусь на лавочку и жду, что же произойдет дальше.

Интересно, а как можно понять, действительно ли ты сходишь с ума или просто самое невероятное становится реальным? Наверное, никак.

Вдруг раздался оглушающий визг тормозов и за ним глухой стук. Авария – подсказывает мне разум. А сердце начинает бешено стучать от страха. Только не это. Все действительно повторяется. Я не хочу, но ноги сами ведут меня к месту аварии. Ведь надо проверить, может это совсем другая авария. Но нет. Снова перед глазами предстает та же картина. На дороге лежат парень и девушка. Нет, не просто девушка, там лежу я. Но в этот раз я не кричу. Я просто стою и смотрю на себя в безмолвии.

Я не знаю, как все это случилось, но вскоре я понимаю, что сижу и смотрю на больничное одеяло, которым были накрыты мои ноги. Все происходит точно также. Но теперь я уже не паникую. Я просто сижу и жду.

–Маргарита. – снова я слышу его голос. Кто же обладатель этого голоса? Я когда-нибудь увижу его? Повторится ли все снова? Или все-таки все закончится? И вообще есть ли выход из этого странного состояния. – Маргарита. – снова я слышу свое имя. Я медленно встаю с кровати и выхожу из палаты. В этот раз я даже не пытаюсь найти ка-

кую-нибудь одежду. Я иду к выходу прямо в больничной пижаме. Как ни странно, но никто не обращает на меня внимание и не пытается остановить. Либо они меня не видят, либо им все равно. И мне тоже все равно. Я выхожу на улицу. Я снова иду просто вперед, не зная куда. Опять идет дождь.

Вновь наступает темнота. Ничего не меняется. Я иду по дороге освещенной фонарями. Ничего вокруг не видно. Темнота сгущается. Но в этот раз уже не так страшно. Чернота поглощает все вокруг. Но я все равно продолжаю идти вперед. Я не вижу ничего, но это меня совсем не останавливает. Может в этот раз все просто закончится? Но нет, вскоре все вокруг меняется, и я снова обнаруживаю себя идущей по оживленной улице.

Ко мне подбегает девушка, я просто слеую за ней. Мы садимся на автобус, затем я выхожу. Я иду по дороге, вижу толпу людей, иду туда. Снова смотрю на то, как я лежу на асфальте сбита машиной. Рядом со мной лежит парень. Он все время мне кажется таким знакомым, но я никак не могу его вспомнить.

Я сижу на больничной кровати. Но в этот раз я просто сижу, не двигаясь с места. Я просто сижу и жду, что же произойдет дальше. Может, если я сейчас изменю порядок этих событий, то я избавлюсь от этого сумасшествия. Поэтому я просто сижу и жду, надеясь, что все встанет наконец на свои места.

Я зря надеялась. Я не замечаю как это происходит, но я уже иду в темноте. Я иду по дороге, освещенной фонарями. Более не видно ничего вокруг. Ничего не изменилось. Как же это прекратить? Или может оно само прекратиться через некоторое время?

Мне ничего не остается, как повторять все снова и снова. снова оживленная улица, автобус, авария, больница, побег.

Еще раз ночная улица, оживленная улица, автобус, авария, больница и побег. словно непрекращающийся ночной кошмар. Я повторяю один и тот же алгоритм. Это невозможно терпеть. Я снова пробую нарушить цепочку этих событий. Я пытаюсь снова и снова, но все тщетно.

Я снова иду по улице, освещенной фонарями. Я же не помню, в который раз это происходит. Мои нервы уже на пределе. Я уже на пределе. Я падаю на асфальт. Осознание этой безнадежной безвыходной ситуации тяжело оседает на моем сердце.

– Ну, пожалуйста! – я просто кричу куда-то в темноту. – Пожалуйста, прекратите это! Я больше не могу! Прошу, пожалуйста! Лучше убейте меня! Я не могу больше это продолжать! – я сама не понимаю, почему я это говорю вслух. Ведь здесь нет никого кроме меня и черноты, успевшей уже поглотить все вокруг. – Неужели я правда сошла с ума? Кто-нибудь... кто-нибудь помогите мне, пожалуйста! – кричу я в надежде, что этот раз кто-нибудь меня услышит. По моим щекам текут слезы. Не знаю, какой

была моя жизнь, но это точно самые горькие слезы, которые когда-либо были в моей жизни. – Пожалуйста, помогите мне. – я перехожу на шепот, продолжая рыдать.

–Маргарита! – слышу я его голос. Тот же самый голос, что обращается ко мне в больнице. Но вокруг меня все еще чернота, я это понимаю, даже несмотря на слезы застилающие мои глаза. – Маргарита! – повторяет этот голос. Неужели что-то все-таки произошло? Может он меня услышал? Может этот голос помогает мне? – Маргарита, проснись! – значит, я сплю? Значит, это всего лишь кошмар и мне просто нужно проснуться? Но как это сделать? Может мне стоит ущипнуть себя? Я щипаю себя за руку, но ничего не происходит, я почувствовала лишь боль и все. Чернота вокруг не развеивается.

–Маргарита, милая, просыпайся, солнце уже давно встало и ждет, когда ты проснешься. – я чувствую, как он гладит меня нежно по волосам, а затем по щеке. Я открываю глаза и сразу же встречаюсь с его нежным взглядом. Его почти черные глаза, смотря на меня с такой любовью и теплотой. Я лежу на животе, лицом повернувшись к нему. Он же лежит на боку и любит меня. Я пододвигаюсь к нему ближе и крепко обнимаю. – Что такое? – спрашивает он озадаченно. Он знает, что обычно я не проявляю много эмоций.

– Мне приснился самый страшный кошмар. – говорю я, мой голос звучит немного приглушенно, потому что я

уткнулась ему в плечо. Но он услышал меня, я знаю. Даже если не услышал, то все понял.

– Все хорошо. Это был всего лишь кошмар. Я здесь рядом с тобой. – успокаивает он меня, поглаживая меня по волосам, словно маленького ребенка. Потом он крепко обнимает меня в ответ.

Он такой теплый и родной. Такой нежный и заботливый. Такой надежный и такой любимый.

Он – тот, кому я действительно могу доверять. Он всегда мне помогает, он всегда меня успокаивает. Он единственный родной мне человек. Он никогда меня не обидит, никогда не бросит, никогда не предаст. Я это точно знаю.

В его объятиях так уютно, что я полностью успокаиваюсь, и он это чувствует.

– Пойдем завтракать? – спрашивает он меня. Я в ответ просто киваю.

– Ты уже позавтракал? – спрашивает меня отец как обычно. Он видит, что я еще ем, он спрашивает для того, чтобы поторопить меня. Он всегда меня спрашивает об этом по утрам. Мне уже двадцать пять лет, а он все равно продолжает об этом спрашивать.

– Сейчас, я уже почти доел.

– Давай быстрее. Не хочу, чтобы мой сын приходил позже

меня.

– Все-все, я уже иду. – как обычно я не доедаю и быстрее бегу на работу.

Дело не в том, что я поздно встаю. Нет. Я встаю во время, но мой отец просто убийственно пунктуальный человек. Он приходит практически самым первым. И он возглавляет компанию, которую создал еще его отец, то есть мой дедушка. Так что и мне в будущем предстоит ее возглавить. Именно поэтому, я должен приходить ни свет ни заря. А работаю я всего лишь стажером, который на побегушках у всех. Я не против. Я понимаю, что прежде чем возглавить компанию, я должен изучить ее со всех сторон. Но я прихожу очень поздно и поэтому вставать очень рано не могу, иначе не высыпаясь. А когда я не высыпаясь, то работаю не так хорошо, из-за чего очень много жалоб поступает моему отцу. А когда жалобы поступают моему отцу, то пиши пропало. Он начинает контролировать каждый мой шаг. Поэтому и приходится есть впопыхах, торопиться, лишь бы только выспаться и хорошо поработать днем.

И вот я как обычно выхожу из дома, по дороге доедая то, то успел прихватить со стола. Компания находится далеко от дома, ведь дом наш находится в пригороде, а работа практически в центре города. Отец садится в свою машину, где уже его ждет водитель. И они выезжают из ворот. Я следую за ними на своем велосипеде. Да, возможно это звучит смешно, что сын председателя компании добирается до работы на ве-

лосипеде, но так оно и есть. Мотоциклы для меня полностью запрещены, видите ли они слишком опасны. Машина слишком дорогое удовольствие, поэтому остался лишь велосипед – единственное средство передвижения, которое мне осталось. Так что пришлось купить его. Я обеспечиваю себя сам, не считая конечно еды и дома. Просто папа таким образом учит меня жизни. Он считает, что так я быстрее пойму, на что стоит тратить заработанные деньги, а на что нет. Хорошо хоть не заставляет копить деньги на собственную квартиру.

Я понимаю, что он прав. Но порой мне не хватает хотя бы пары теплых слов и немного поддержки с его стороны. Не денежной, а моральной.

И вот я еду на своем велосипеде на работу. Вы наверное спросите, как же я добираться до работы зимой? А зимой приходится раскошелиться и добираться на автобусе. Но это отнимает слишком много заработанных с таким трудом денег. Поэтому я и купил велосипед, чтобы хотя бы в теплое время экономить. К тому же велосипед помогает держать себя в форме. Припарковав велосипед, я отправляюсь на работу. Не скажу, что я люблю свою работу. Но и не могу сказать, что ненавижу ее. Если честно, то мне не так уж и важно, кем и где я работаю. У меня нет работы мечты. Я всегда знал, что буду работать в компании отца, и меня это вполне устраивает.

Сегодня мне повезло – отец еще не приехал на работу. Либо он застрял в пробке, либо решил дать мне немного фо-

ры, хотя на него это если честно не очень похоже. Я провожу день, как обычно – выполняю различные задания своих начальников, а их у меня очень много. Обычно это одни и те же задания – распечатать, сделать копии, отсортировать, исправить ошибки, отправить, забрать. Иногда я составляю отчеты, провожу анализ. Я всегда присутствую на собраниях и конспектирую. Но еще ни разу мне не удавалось поучаствовать в каком-нибудь проекте, не говоря о том, чтобы возглавить собственный. В общем, я уже три года работаю стажером. Вообще-то я очень усердно работаю, просто отец хочет, чтобы я подольше побыл стажером, чтобы прочувствовать все на собственной шкуре.

Я не замечаю, как рабочий день подходит к концу. Я ухожу самым последним, ведь как обычно всю самую скучную работу скинули на меня. Я ухожу, выключаю за собой все приборы и свет. Закрываю кабинет, сдаю ключ дежурному и наконец-таки иду за своим велосипедом. Добираюсь домой.

Отца дома еще нет. Дома мне сообщают, что он звонил и предупредил, что срочно уезжает в командировку. Командировки бывают не редко. Он уезжает примерно пять или шесть раз в год. Иногда они бывают короткими – это около недели, минимум пару дней. Порой бывают долгими – около месяца или даже двух. Но чаще они длятся примерно недели две-три.

Снова придется есть в одиночестве. Хотя и когда он бывает дома, не всегда получается завтракать и ужинать вместе.

В детстве он всегда выделял мне один день в неделю, которые мы проводили вместе. Мы делали все, что мне хотелось. Но чем старше я становился, тем реже они становились. Он уделял мне все меньше и меньше времени. А когда я перешел в старшие классы, а затем в университет, мы вообще прекратили так веселиться. Если честно я очень скучаю по тем дням. Мне одиноко. С детства меня окружали лишь репетиторы да помощницы по дому.

Отец никогда не говорил мне о моей матери. Он не любил говорить на эту тему и всегда избегал ее. А когда я начал настаивать на том, чтобы он все-таки рассказал мне о ней, он вообще запретил даже упоминать слово мама в нашем доме. Почему он так поступает? Как он не может понять, что я просто хочу знать кто моя мама. Я ведь даже имени ее не знаю. Но я не знаю, что мне делать, чтобы он наконец решился раскрыть мне эту тайну. Но у меня так ничего и не выходит, я только еще больше его злю своим поведением. Временно я оставил эти попытки.

Я даже думаю о том, чтобы нанять частного детектива, только вот никак не собираю на него деньги. Однажды я обыскал весь дом в надежде найти хоть что-нибудь. Но как оказалось, он даже не был никогда женат официально.

Я не знаю, что именно случилось. Я понимаю, что своими попытками разузнать о матери, я возможно причиняю ему боль. Но и он должен понять, как одиноко и тяжело мне было все эти годы жить без матери. Несколько раз я пытался найти

хоть что-нибудь в комнате отца, я надеялся, что возможно он что-то еще хранит от мамы. Но я так ничего и не смог найти.

Пора спать. Снова с мыслями о матери я засыпаю. Какая бы она ни была, я все равно хочу ее увидеть. Она иногда снится мне, хоть я и не вижу ее лица, я знаю, что это она. Я чувствую, что она скучает по мне. Я очень хочу увидеть. Хочу узнать, что же произошло между мамой и папой.

Сегодня ночью мне снова снилась мама. Сегодня буду завтракать без отца, в полном одиночестве. Зато никто не будет подгонять и торопить. Хотя это не важно. Все равно я по привычке буду торопиться, как обычно буду стараться приехать на работу раньше всех. Одно радует – завтра наконец-таки начнутся выходные.

Снова день пролетает очень быстро. Я работаю, выполняю задания, задерживаюсь допоздна. Уставший еду домой. На ужин уже не остается сил, я просто валяюсь на кровать. Все равно завтра выходной. Наконец-то высплусь за неделю.

Но выспаться мне не дают. Рано утром раздается звонок. Я спросонку не понимаю, что за звук и откуда он раздается. Я даже сначала решил, что надо собираться на работу, пока не увидел имя своего друга на экране телефона.

– Ты чего звонишь в такую рань! – раздраженно говорю, после того как нажимаю на зеленую кнопку на экране.

– Чего ты так орешь! Выспишься, еще успеешь. Тем более уже двенадцать если что.

– Уже двенадцать? Да ладно? – в недоумении я отрываю

телефон от лица и смотрю в левый верхний угол экрана. Действительно, уже двенадцать. Как же так? Неужели я так сильно устал?

– Ну что? Удостоверился? – слышу я голос в трубке, после того как возвращаю телефон к уху.

– Да, прости, что накричал.

– Да ничего. Я уже привык. – отвечает мне мой друг. –

Ну что?

– Что?

– Как там у тебя дела говорю?

– А ты мне что, только за этим позвонил? – раздраженно спрашиваю я.

– Нет, конечно, но вежливость никто не отменял. В общем, мы с друзьями собираемся съездить куда-нибудь вместе, отдохнуть. Недели на две может три.

– Ты же знаешь, что я не могу. Я работаю.

– Я знаю. Поэтому и звоню заранее. Мы хотим поехать через месяц-полтора. И тебе уже пора одуматься и согласиться.

Я не знаю, что ответить. Отказываться неудобно. Но ведь отец просто так не отпустит.

– Ну, давай! Соглашайся! – настаивает друг. – Ты же еще не раз не был в отпуске. Тебе уже давно пора отдохнуть.

– Да я знаю. Отец сейчас в командировке, как только вернется, постараюсь его уговорить.

– Ну, вот и молодец!

– Но я ничего не обещаю. Я просто попробую.

– И все равно молодец. Ну что насчет сегодня? Снова будешь отдыхать? Надеяться на то, что ты согласишься с нами потусить, не стоит?

– Определенно не стоит.

– Ясно. А как там дела обстоят с поисками мамы?

– Никак.

– Понятно. Надеюсь, у тебя получится ее найти. Удачи тебе.

– Спасибо. Ну ладно, давай. Если, что я тебя наберу.

– Окей. Пока.

– Пока. – говорю я напоследок и завершаю вызов.

Возможно, он прав. Может, мне правда пора уже в отпуск. Не знаю. Я ложусь обратно. Вставать не хочется. И сегодня я могу себе позволить такую лень. Все-таки сегодня выходной, да и отца нет дома. Никто не будет бузить и говорить, что хоть и выходной, лениться все равно нельзя.

Но совесть, как всегда не позволяет лени взять верх, и через минуту я уже иду умываться. Дурацкая привычка, слушать свою совесть. Хотя отец совсем другого мнения. Я спускаюсь вниз. Дома пусто. Сегодня помощница по дому не придет. Так что завтрак готовить, как обычно приходится самому. Я не шеф повар, хорошо готовить не умею. Я умею только съедобно.

Перекусив тем, что получилось в итоге, я сел напротив телевизора и уставился в никуда. Да, это не самый лучший вид отдыха. Но я так сильно устаю на работе и, если честно,

то от отца тоже немного, что мне просто необходимо просто ничего не делать и ни о чем не думать. Так я отдыхаю не только физически, но и морально.

Прошло несколько часов, и очнулся я только услышав и почувствовав просьбу моего желудка, который очень сильно хотел кушать. Я снова отправился на кухню. Но готовить было немного лень. И я вернулся обратно в гостиную. Я решил заказать пиццу. Но потом я передумал и снова отправился на кухню. Все-таки лучше сэкономить хотя бы на еде.

Вообще-то я бы мог купить себе и машину, но я решил купить все-таки велосипед, чтобы не тратить слишком много денег. Я коплю деньги. Коплю столько, сколько могу. Я надеюсь скопить достаточно, чтобы нанять детектива. Если не получится нанять детектива, то денег должно хватить на собственное расследование. Хотя я и не знаю, как его проводить, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы найти маму.

Поэтому я сейчас стою и готовлю себе ужин. В холодильнике полно продуктов. Нужно лишь научиться нормально готовить. Я приготовил макароны с томатной мясной подливкой. Не знаю, как это блюдо называется правильно. Для меня это просто макароны с подливкой.

Пужинав, я решил немного поиграть в приставку. Так прошла моя суббота. В десять я пошел спать. Почему так рано? Да просто, потому что хочется спать.

Утро. Сегодня я проснулся не так поздно. Я беру телефон, нажимаю на кнопку, и экран подтверждает мою догад-

ку – всего лишь девять утра. Еще целый день впереди. Положив телефон обратно на тумбочку, я потягиваюсь и медленно встаю с кровати. Также медленно иду в ванну. Сегодня торопится некуда. Умывшись, я спускаюсь вниз. Снова иду на кухню, но готовить лень, поэтому я просто беру хлопья, насыпаю их в чашку и заливаю молоком. Простой вкусный завтрак, который обычным детям напоминает о детстве и маме. Но мне он напоминает лишь о рекламе, где показывают, как мамы кормят хлопьями детей. Я всегда так им завидовал. Да что таить, я и сейчас немного им завидую. Пусть я уже не маленький, но я был бы рад, если бы мама приготовила мне завтрак, даже если бы он был самым обычным. Хотя нет, так даже было бы лучше, если этот завтрак был бы самым обычным. Но мир не такой, он не дает то, чего ты так сильно желаешь. Тебе самому нужно это найти и взять. Или отнять у кого-то другого.

Я бы очень хотел иметь самую обычную семью. Я готов отдать все, что у меня есть за это. Но это невозможно. Я не могу изменить прошлое, к сожалению. В дверь раздается звонок.

В дверь раздается звонок? Это очень странно. Ко мне никто не приходит. Да и отец не мог так рано приехать. Но все же мне ничего не остается, как пойти и открыть дверь.

– Ну, наконец-то. Что так долго? – в прихожую вваливается мой друг. – Я уж думал, что ты не откроешь. Извини, что разбудил.

– Я уже встал, так что не волнуйся, ты меня не разбудил.

– Правда? Вот и славно. У меня есть к тебе предложение.

Глава вторая

Я умываюсь и переодеваюсь. Спускаюсь по лестнице вниз. В доме никого. Я одна. Где же он? Почему в доме так пусто и страшно? Может быть, он вышел куда-то? В надежде найти свою защиту, я выбегаю из дома. Но снаружи его нет. Снаружи нет никого. Я обхожу дом в надежде найти хоть кого-нибудь. Но вокруг нет ничего. Ничего кроме засохшего поля, растянувшегося со всех сторон до самого горизонта.

Где я? Что это за место? Почему снова происходит что-то странное? Что со мной? Почему я все еще не помню о себе ничего кроме имени? Почему я так ему доверяю, пусть он и пропал куда-то, оставив в этом непонятном месте? И почему я не помню его, но все равно верю.

Что мне делать? Как выбраться? Может просто остаться и подождать? Или все же попытаться уйти отсюда, надеясь, что впереди меня ждет не только выжженное солнцем поле? Я не знаю. Я совсем не знаю, что мне делать. Мне ведь даже идти некуда. Точнее я не знаю, есть ли место, где меня хоть кто-нибудь ждет. Может я просто умерла? Наверное, так и есть. Я умерла и попала в ад, ко-

торый будет длиться вечно.

Я возвращаюсь обратно в дом. Дом вновь встречает меня лишь пустотой и одиночеством. Я сажусь на диван и просто сижу. Надо попытаться вспомнить что-нибудь о себе или о нем. Кто я?

Меня зовут Маргарита.

Пока что это все, что я знаю о себе. Маргарита. Я продолжаю повторять это имя, вдруг что-то всплывет в моей голове. Маргарита. Но единственное, что я вспоминаю это его голос, который произносит мое имя. Кто же он такой? Кажется, что все это бесполезно. Надо чем-то заняться, чтобы не заикливаться на всем этом. Я встаю с дивана и отправляюсь на кухню. Надо приготовить себе что-нибудь поесть.

Я захожу на кухню и открываю холодильник, чтобы посмотреть, что там есть. В холодильнике почти ничего нет. Он почти пустой. Я закрываю его и отправляюсь осматривать шкафы, может там что-нибудь найдется. Там тоже не густо, есть гречка, рис, макароны и несколько пачек лапши быстрого приготовления. Я беру макароны, лапшу я еще успею съесть. Налив в кастрюлю воды, я ставлю ее на плиту. И вдруг меня осенила страшная мысль. Ведь я уже давно ничего не ела и не пила. Но даже так, я все равно не хочу есть. Я не чувствую ни голода ни жажды. Но я все равно готовлю поесть, просто на автомате, потому что я думала, что скоро захочу. И даже сейчас, когда я вижу, что

вода в кастрюле закипает, я все равно не чувствую, что хочу есть, даже самую малость.

Сколько я уже нахожусь в таком состоянии? Как давно я ела и пила? Не знаю, сколько точно прошло, но уж точно не пять минут. С того момента, как я помню себя, прошло уже более семи-восьми часов, это точно. Но я не хочу ни пить, ни есть, ни спать, ни даже в туалет. Неужели мои догадки были верны? Значит, я уже умерла?

Я выключаю кастрюлю. Ведь если мне не нужно есть, зачем тогда готовить.

Но если я умерла, почему я ничего не помню о себе? Почему я очутилась здесь? Почему я продолжаю задавать одни и те же вопросы? Почему никто не даст мне ответы на них?

Если я уже умерла, то мне больше нечего бояться. Смысл тогда сидеть здесь? Я пойду. Я выхожу из кухни и иду к входной двери. Повернув ручку, я открываю дверь и выхожу на улицу. Улица залита солнечным светом. Вокруг стоят маленькие потрепанные домишки. Мимо меня проходят люди, некоторые из них здороваются. Я оборачиваюсь. Дом, в котором я только что была, должен был быть большим и богатым. Но перед моим взором стоит такой же неуклюжий старый дом, как и все вокруг. Как же так? Хотя чему мне еще удивляться, после всего, что произошло ранее? Я решаю снова зайти в дом и посмотреть, изменился ли он внутри или только снаружи.

Внутри очень темно. Меня встречает маленький кори-

дорчик, в котором сложно развернуться вдвоем. Прохожу в следующую комнату. Это кухня и гостиная одновременно. Помещение слишком маленькое для совмещения сразу двух комнат. На кухонной части один два шкафчика, плитка, раковина с краном и все. В гостиной же небольшой диванчик, маленький телевизор и столик. Есть еще одна комната. Я иду туда. Дверь открывается не до конца, ей что-то мешает открыться полностью. Я пролезаю в получившийся проем. Комната еще меньше гостиной-кухни. Здесь стоит кровать, а все остальное место занято коробками, которые и не дают двери открыться. Я забираюсь на кровать, чтобы посмотреть какая же здесь ванная комната. Дверь в ванную тоже не открывается до конца. Протиснувшись с трудом туда, я включаю свет, но он не загорается. Глаза немного привыкают к темноте, и я обнаруживаю в ванной только унитаз, маленькую раковину и, наверное, уже не работающий душ. Кто же здесь живет? Неужели я?

Почему сначала был большой дом, а теперь это? Кто же я? И где находится мой настоящий дом? Я все больше и больше запутываюсь в своих галлюцинациях. Я возвращаюсь в спальню, ложусь на кровать. Меня вдруг покидают все силы, не только физические, но и душевные. Ничего не хочется. Вот бы только все закончилось. Сколько еще мне мучиться? Не хочу. Буду просто лежать.

Я лежу и смотрю на потолок. Он старый, побелка пожелтела и местами обвалилась. Вместо люстры висит го-

лая лампочка. Кровать жесткая и неудобная. И все-таки мне совсем не противно. Такое чувство, что я и правда жила в подобном месте. Единственно чувство, которое возникает во мне, когда я смотрю на всю эту нищету – это усталость. Я устала видеть это. В том доме с ним было приятно, спокойно, но немного непривычно. Значит ли это, что я бедная? Может быть он – лишь моя фантазия? Может, его не существует? Может, существует только этот нищий домик и я?

Не знаю, сколько времени прошло, пока я лежала на кровати и думала обо всем. Но вдруг все стало таким размытым. Потолок перестал быть потолком, лампочка расплылась. Жесткость кровати улетучилась, вместо нее появился холод. Вместо потолка – голубое небо с чистыми облаками. Вместо лампочки – яркое солнце, то и дело, прячущееся за облаками. А кроватью мне теперь служил мягкий сугроб снега. Так освежает. Холодно, но приятно. Одной рукой я взяла немного снега. Он медленно тает на моей руке, оставляя после себя лишь капли воды на моей ладони. Я глубоко вдыхаю, ледяной воздух обволакивает легкие. Я начинаю немного дрожать. Понемногу я начинаю замерзать. Тело словно налилось свинцом. Надо уходить, чтобы не замерзнуть совсем и не умереть здесь. Надо подняться, надо встать. Но у меня не выходит. Тело слишком тяжелое, я не могу двинуть даже пальцем. Я не могу даже выдавить из себя слово. Очень тяжело. Я замерзаю. Пальцы окочене-

ли. Если я чувствую холод, значит, я еще жива. Пока что. Значит, все это действительно были лишь галлюцинации. Но почему тогда я забыла кто я такая?

Вот так я и умру. Здесь на снегу. Одна. В полной тишине. Не зная о себе ничего. Не имея возможности хоть что-нибудь изменить и исправить. Никто меня не найдет. Никто обо мне не вспомнит. Мои глаза медленно закрываются. Темно и холодно. Вот и все.

Вдруг, я чувствую, как до моей руки дотрагивается что-то родное и теплое.

– У тебя такие руки ледяные. – произносит бархатный голос. Это он. Он снова рядом. Он снова со мной. Он защищает меня и спасет. Я знала, что он придет ко мне. Я открываю глаза.

Он укрывает меня одеялом. Смотрит на меня так внимательно, поправляет прядку, неровно лежащую на моих волосах. Обнимает меня. Так тепло и уютно. Мы лежим на снегу в обнимку под одеялом и нам так тепло. Больше ничего и не нужно. Мне больше ничего не нужно. Только бы он больше не исчезал. Только бы он остался здесь вместе со мной.

– Прости меня. – шепчет он мне.

– За что?

– Прости меня, пожалуйста.

– За что мне тебя прощать? Ты же не сделал ничего плохого, ведь ты защищаешь меня и помогаешь.

– Я так перед тобой виноват.

Я смотрю на него, а он плачет. Он продолжает просить прощения. Почему же ты просишь у меня прощения? Неужели за то, что оставил меня в том доме одну? Но ведь это была лишь галлюцинация. Или все же нет?

Я уже не понимаю где реальность, а где нет. Может быть, я как в этих фильмах и сказках просто попала в какой-то странный параллельный мир? Нет, такого не может быть. Это невозможно.

Почему мне кажется, что я одна. Только когда он рядом, я не чувствую себя одиноко. Но когда его нет, пусть даже и вместо него толпы людей, все равно, у меня такое чувство, что я одна в этом непонятном мире. Словно весь мир вымер, а осталась только я. Может так и есть? Может быть, произошла какая-то катастрофа, и все погибли? Поэтому я потеряла память и не могу ничего вспомнить. Поэтому я сошла с ума и мне теперь видится всякое непонятное. Нет, не может быть. Я не хочу в это верить. Все что угодно, только не это.

К тому же, это скорее я погибла, а не мир. Да, наверное, я действительно умерла. Ведь я не хочу ни есть ни спать. Но тогда почему я чувствовала холод? Мертвые же ничего не чувствуют, или это не так? Но с другой стороны считается, что в аду души заключены в кипящих котлах. Если бы они не чувствовали жар, вряд ли бы их туда заключали. Значит, они могут и холод чувствовать. Но ведь это всего лишь догадки, никто не знает что там на самом деле. Нет,

мне кажется, что я жива. Не знаю, правда это или нет, но я так чувствую.

Я закрываю глаза. Хочется забыться и потеряться. Хотя я и так ничего не помню и не знаю. Темно. Я открываю глаза. Ничего не меняется. Темно. Но уже не страшно. Я просто лежу в темноте. Но вдруг я вижу звезды, которые начинают понемногу появляться в небе. Красиво. Так и хочется до них дотянуться. Я неосознанно тяну руку вверх. Да, я знаю, что это невозможно, но все равно хочется попытаться. Я встаю, продолжая тянуться вверх. Потом я начинаю подпрыгивать, видимо мне захотелось вспомнить детство. Я, и правда, начинаю чувствовать себя маленьким ребенком, но мне так весело интересно, что все равно как я выгляжу со стороны. Прыжки совсем не помогают, поэтому я решаю присесть и попытаться прыгнуть выше. Когда я это делаю, то понимаю, что подо мной больше нет никакой твердой поверхности. Я лечу. Я лечу прямо к звездам. Неужели такое возможно? Звезды все ближе и ближе, они становятся все больше и больше. Но когда я, наконец, достигаю их, то понимаю, что они не совсем такие, какими их описывали в школьных учебниках.

Передо мной предстали круглые светящиеся шары размером с гимнастический мячик. Очень яркие, но не такие, что нельзя было смотреть. Наоборот свет был хоть и ярким, но все же мягким и приятным. Их было много, но они были на довольно большом расстоянии друг от друга. Я парю

от одного к другому, пока, наконец, не решаюсь дотронуться до очередной звезды. На ощупь она оказывается терпимо горячей и твердой как камень. Так вот какие звезды вблизи – словно горячие светящиеся шарообразные камни. Я обнимаю звезду.

Как хорошо. Вот бы остаться тут навечно. Но это невозможно. События происходят со мной слишком хаотично и невообразимо. Я никак не могу понять, чего мне следует еще ожидать. Что же произойдет вскоре? Или может мне посчастливиться, и я, наконец, смогу обрести хоть какой-нибудь покой.

Я отстраняюсь от звезды и снова смотрю на нее. Она такая красивая. Неожиданно я понимаю, что подо мной твердая поверхность. Да и сама звезда, вовсе не звезда, а всего лишь круглый большой уличный декоративный светильник, который стоит на траве. Я осматриваюсь и понимаю, что я нахожусь в каком-то парке. Вокруг меня много таких светильников, которые освещают все в этой красивой теплой ночи.

– Маргарита. – он снова зовет меня. Я оборачиваюсь и вижу его. Он улыбается мне и протягивает руку, зовя куда-то за собой. Я подбегаю к нему и протягиваю ему свою руку в ответ. Он берет мою ладонь и идет куда-то, ведя меня за собой. Он начинает набирать темп, и мы уже не идем, а бежим. Я еле успеваю за ним, мои ноги почему-то с трудом меня слушаются. Наконец мы останавливаемся.

Я оглядываюсь. Вокруг нас поле, которое усеяно маленькими огоньками-светильниками. Такое чувство, словно мы находимся в сказке. Но вдруг все огоньки гаснут разом, и становится сначала очень темно. Но потом я понимаю, что с левой стороны небо начинает светлеть. Скоро наступит рассвет. Мы с ним смотрим за тем, как небо светлеет, а на горизонте понемногу начинают появляться первые лучи, а за ними и само солнце. Он так и держит меня за руку, и от этого рассвет кажется еще более красочным.

Вдруг он разворачивает меня лицом к себе и берет за вторую руку. Он смотрит мне прямо в глаза. Я отвечаю ему тем же. Не смогу отвести взгляд, даже если захочу. Мне кажется, что это просто невозможно. Но он снова отпускает одну руку. Я немного пугаюсь, но потом понимаю, что он просто хочет что-то достать из кармана. Но даже достав это что-то из кармана, он не показывает мне, а зажимает руку в кулак. Я лишь улыбаясь в ответ на такое ребяческое поведение.

– Закрой глаза. – говорит он мне. И я покорно их закрываю, полностью доверяясь этому человеку. Что-то теплое дотрагивается до моей правой руки. И тут до меня доходит. – Открой.

Я открываю глаза и понимаю, что моя догадка оказалась верной. На безымянном пальце золотое кольцо. Оно простое, но от этого оно кажется еще более дорогим.

Он протягивает мне раскрытую ладонь. На ней тоже ле-

жигит золотое кольцо, только большего размера. Я все понимаю без слов. Я забираю кольцо и надеваю ему на палец. Мы улыбаемся друг другу.

– Теперь мы принадлежим только друг другу и больше никому. – говорит он мне. Я обнимаю его в ответ. Мы стоим так некоторое время, пока я не понимаю, что его больше нет рядом. Я снов одна.

Я уже не на том поле. Я стою посреди какого-то болота. Мои ноги начинают увязать в трясине. Я пытаюсь шагнуть, пытаюсь уйти, но это дается мне с огромным трудом. У меня не получается. Я начинаю кричать, звать на помощь, но кажется вокруг никого нет. Мне никто не поможет. Я снова пытаюсь выбраться, пока мои ноги не увязли сильнее и у меня начинает получаться. Вдруг черная рука появляется из болота и хватается меня за ногу, пытаясь утянуть вниз за собой. Затем появляется еще рука и еще, их становится все больше и больше. Все они хватают меня за что попадет-ся и тянут глубже в трясину. И у них это получается. Я кричу, пытаюсь отбиться, но ничего не выходит. Я тоню. Я уже по пояс в трясине, я хватаюсь за все, что только можно, но трава не такая крепкая, а палки ломаются, когда я пытаюсь на них опереться. Я тоню. На поверхности остается только голова и руки пытающиеся найти какое-нибудь спасение. Я пытаюсь изо всех сил. Я утонула. Дышать не получается, я задыхаюсь. Вокруг темно и вязко. Но становится легче. Наконец-то это все закончится.

– Ну и какое у тебя предложение? – спрашиваю я своего друга, после того как приготовил нам кофе. Он сидит напротив и смотрит заговорщическим взглядом. Молчит. – Ну что? Что ты там придумал?

– Давай посмотрим старый альбом твоего отца.

– Зачем? Я же уже смотрел, там нет ее фотографии.

– Да нет, ты не понял. Мы посмотрим, в каких местах он часто бывал в то время.

– Местах?

– Да. Потом поедem туда и поспрашиваем людей. Вдруг его кто узнает? А если узнают, может быть, они что-то вспомнят еще. Может быть, кто-нибудь из них знает, кто твоя мама и где она?

– Ты прав. – да, все-таки друг у меня замечательный, самый лучший из всех, что могли бы быть. – Отличная идея. Спасибо.

– Ну, так чего ты сидишь? Где твой отец хранит свои старые фотографии?

– Они должны быть у него в комнате. Я пойду схожу за ними, а ты пока здесь подожди.

– Давай.

Я пошел наверх в комнату к отцу. Почему мне раньше не приходила в голову такая мысль? Хорошо, что хоть Макс до-

гадался. Я вообще удивляюсь, как он только меня терпит. Я все время то занят, то срываюсь на него. Но он все понимает и прощает мне мои ошибки. Я рад, что мы с ним так сдружились. Только он меня и поддерживает в поисках мамы. Я захожу в комнату к отцу. Я раньше не понимал, почему он не любит показывать фотографии и постоянно прячет их в шкафу закрытом на ключ. Я понимаю, что нехорошо рыться в чужих вещах, пусть даже и не таких чужих, но все же не в своих. Но я считаю, что имею на это полное право. Я должен узнать, кто моя мама, где она и почему все так получилось.

В кабинете отца как всегда темно. Не знаю почему, но он постоянно зашторивает окна в комнате, перед тем как выходит из нее. На столе у него идеальный порядок. Хотя бабушка мне рассказывала, что он был еще тем разгильдяем в юности, и у него был постоянно бардак в комнате. Сейчас в это с трудом верится. Все документы лежат в папках и хранятся в алфавитном порядке в шкафу. В шкафу на полке стоят две фотографии. На одном фото мы стоим вдвоем. Оно было сделано в день моего совершеннолетия. На другом его родители. На столе нет ничего лишнего – светильник и еще одно фото в рамке. Более ничего. На этой фотографии изображен отец. Он стоит на берегу моря и смотрит куда-то вдаль.

Я беру ключ, который лежит на шкафу. Однажды я уже искал его, чтобы посмотреть альбомы. И найти его оказалось слишком легко. Неужели отец и не подозревает, что я могу найти его? Почему он не спрятал его получше? Я не знаю.

Но так даже лучше, я думаю. Я аккуратно открываю шкаф, беру все альбомы, что здесь есть. Всего их три, не так уж и много вообще-то.

Макс ждет меня внизу. Мы садимся удобнее на диван, я беру первый альбом и мы начинаем его рассматривать. Это альбом с очень старыми фотографиями, на них отец еще очень маленький. Но дальше должны пойти уже более взрослые, поэтому я просто продолжаю листать. Так мы дошло до фотографий, где он был уже в старших классах. Я не знаю, когда он с мамой познакомился. Может быть, они вместе учились в школе, а может в университете. Но возможно и нет. Даже скорее всего нет, но проверить то нужно все возможные варианты.

На фото папа был в основном со своими друзьями, девушек там не было, не считая двоюродных сестер. В юности отец был таким веселым и счастливым. Он смотрит на меня с яркой улыбкой с фотографий. Так приятно видеть его таким. Сейчас он совсем другой. Взгляд у него стал немного печальным и очень серьезным. Нет той искорки, что была в его молодости. Неужели это все из-за мамы? Я никогда не видел, как он улыбается. Если бы не было этих фото-доказательств, я бы и не поверил, что он, когда был таким веселым и озорным.

Затем пошли фотографии с его студенческих лет. Здесь он стало чуть-чуть серьезнее, но все-таки улыбка не сходит с его лица. Даже если он не улыбался на фото, все равно глаза

его выдавали, они улыбались вместо его губ. Хотел бы еще раз увидеть его таким счастливым. Но как мне это сделать? Я не знаю. Даже когда я окончил университет с красным дипломом, он не выдал из себя и подобие улыбки. Это очень печально. Мне иногда кажется, что я тоже скоро стану таким унылым. Но мне этого ох как не хочется.

– На этих фото ничего особенного. Наверное он встретил ее после окончания университета. – сказал мне Макс, после того как мы закончили просматривать первый альбом. – Давай следующий.

– Ага. – отвечаю я ему и беру второй альбом. Он не такой толстый как первый. На этих фотографиях, отца почти нет. Тут только фото разных мест и пейзажей. Папа встречается редко, он просто стоит и смотрит в камеру, улыбаясь.

– Твой отец здесь такой счастливый. Я его даже сразу не узнал.

– Счастливый?

– Да. Он просто светится от счастья. Наверное, здесь он влюблен. И скорее всего его фотографирует твоя мама. Я так думаю.

– Может быть. – я внимательно вглядываюсь в лицо отца и понимаю, что мой друг прав. Отец смотрит в объектив влюбленными глазами, словно его фотографирует кто-то, в кого он влюблен.

Мы уделяем этим фото больше внимания. Все-таки возможно здесь будет что-то очень важное. Но сколько бы мы не

всматривались, ничего особенного, что могло бы помочь нам мы не заметили. Поэтому мы решили перейти к последнему альбому, а потом если что вернуться обратно и еще раз посмотреть второй. В третьем альбоме, были наши с ним фотографии, когда я был еще совсем маленьким. Мне было год, когда отец начал меня фотографировать. И меня всегда это удивляло. Как впрочем удивило и моего друга.

– Почему у тебя нет фотографий, где ты еще младенец? Обычно у всех они есть. Моя мама обожает их пересматривать.

– Я не знаю. Сколько ни спрашивал у отца, он не хочет мне говорить даже об этом.

– Может быть, они жили вместе, когда ты только родился? Поэтому он их выбросил?

– Даже если бы это было так, то фотографии где я один все равно бы остались. Вряд ли бы он их стал выбрасывать, ведь там не было бы мамы.

– Да ты прав.

– Я думаю, что папа не знал, что мама была беременна. А она, наверное, не стала ему говорить об этом, потому что они поссорились или что там у них случилось на самом деле. А потом я не знаю, что произошло. Либо она меня бросила, либо она уже не жива, либо просто отец не дает нам с ней видеться. Но последнее вряд ли, если бы она захотела, то нашла бы способ. А первые два варианта совсем меня не радуют.

– Да, это уж точно. А может она потеряла память? И где-

то в другом месте сейчас? Или может она раскаялась, что бросила тебя? Или она бросила тебя, потому что на то были какие-то веские причины?

– Ну, какие это могут быть причины? Нет таких причин. А даже если есть, она все равно могла бы дать о себе знать, хоть как-нибудь.

– Так, успокойся. Я уверен, что у тебя все наладится. Ты обязательно ее найдешь, и она отдаст тебе всю ту любовь, что ты заслужил.

Я кивнул ему в ответ. Да, друг у меня настоящий оптимист, в отличие от меня. Я конечно не пессимист, но и не оптимист. Я скорее реалист, стараюсь принимать вещи такими какие они есть.

В третьем альбоме мы так ничего особенного и не увидели. Поэтому решили вернуться ко второму и еще раз внимательно осмотреть все фотографии. Когда мы уже прошли одну треть, Макс вдруг посмотрел на меня так, словно ему пришла хорошая идея в голову.

– Что? – спрашиваю я его.

– А что если на обороте фотографий что-то написано?

Мы снова вернулись к началу альбома и аккуратно начали вытаскивать по одной фотографии, осматривали и клали на место. Главное было не перепутать их местами, чтобы отец в случае чего не заметил. В основном надписей на тыльной стороне не было. Но мы продолжали, в надежде, что найдется хоть что-нибудь полезное. В результате всего лишь на пя-

ти фотографии были написаны названия мест, где они были сделаны. На одной было название реки, на другой озера, а на трех остальных – названия трех разных поселений, возможно даже маленьких городков. Мы сделали снимки этих фото с двух сторон и вернули альбомы на место. В этот раз Максим поднялся со мной в кабинет отца.

– А почему тут так темно? Почему шторы закрыты? – спросил он меня, как только зашел внутрь.

– Не знаю. Отец всегда зашторивает здесь окна перед уходом. Я не трогаю, чтобы он не понял, что я тут бываю.

– Может тогда свет хоть включить?

– Я пробовал, но кажется тут лампочки перегорели, надо поменять, но я тоже боюсь, что отец поймет, что я сюда захожу.

– А у тебя есть фонарик?

– Только на телефоне.

– У меня тоже.

– А тебе зачем?

– Думаю, нужно тут все внимательно осмотреть. Вдруг что-нибудь найдется?

– Я тут же все обсматривал, причем не один раз.

– Все равно ты мог что-то упустить и не заметить. Может быть, я что-нибудь найду.

– Ладно, давай попробуем.

Мы включили фонари на телефонах и начали все досконально все изучать. Хорошо, что прислуги не было сегодня,

иначе они могли бы нас увидеть и сдать отцу. Мы потратили на обыск кабинета почти целый час, но все было впустую.

– А почему этот ящик закрыт? – неожиданно спрашивает меня Макс. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть о каком ящике идет речь. Это был один из ящиков письменного стола.

– Не знаю. Сколько раз я сюда приходил, он всегда был закрыт.

– Если он заперт, значит там что-то важное, что никто не должен увидеть. Может там есть что-то о твоей маме?

– Я не знаю. Может быть.

– Надо поискать, ведь где-то должен лежать ключ.

– Я тут все обыскал, но не нашел его. Был только ключ от шкафа с альбомами и больше ничего.

– Может поискать в его комнате?

– Я там уже искал. Скорее всего, он носит его все время с собой. Так же безопаснее.

– Ну как сказать. С одной стороны безопаснее, а с другой – больше вероятность того, что он потеряется где-нибудь. Я бы вряд ли стал носить с собой такой важный ключ. Я лучше бы спрятал его там, где никто не подумает. Подумай хорошенько, куда он мог его еще спрятать кроме своего кабинета и своей комнаты?

– Не знаю. Нет такого места. В моей комнате его точно нет. На кухне часто бывает прислуга, в гостиной тоже. Если только в ванной? Вряд ли он спрятал его в зале или кинозале. А в гараже точно нет, он сам там редко бывает. Да и к тому

же там часто бывает шофер. А в пустующих комнатах даже смысла нет, тем более они все закрыты на ключ. Прислуга наводит там чистоту только раз в месяц. Так что остается только его ванная комната.

– Ну, идем тогда туда.

– Хорошо.

Мы отправляемся туда. Как и в кабинете, здесь практически стерильная чистота и порядок. Мы стараемся все сделать аккуратно. Макс начал осматривать шкафчики, а я полочки и ванну с душем. Я даже проверил унитаз, но в результате мы так ничего и не нашли.

– Мне кажется, что уже хватит. Мы так ничего и не нашли, зато я очень сильно хочу есть. Пойдем поедим, на пустой желудок не работается и не думается. – говорю я Макссу.

– Эх, ладно. Я что-то тоже проголодался.

Мы спускаемся обратно. Мы идем сразу на кухню, я осматриваю холодильник, но там слишком мало продуктов. В шкафах же только разные крупы и печенье.

– Давай закажем пиццу. – предлагает друг.

– Ладно. – от безысходности говорю я. Я не люблю тратить деньги, но деваться некуда.

– Сегодня угощаю.

– Не надо, у меня есть деньги.

– Но они тебе нужны. Когда найдешь маму, угостишь меня чем-нибудь очень-очень вкусным. Договорились?

– Спасибо. – отвечаю я ему и киваю в знак согласия.

Во время нашего «ужина» я расспрашиваю как у него дела, но мы вновь плавно переходим на обсуждение поиска моей матери.

– Слушай, давай я попробую уговорить твоего отца дать тебе отпуск и разрешить поехать с нами отдохнуть.

– Но я не хочу отдыхать.

– Да нет, ты не понял. Вместо отдыха мы с тобой поедem по тем местам, что были написаны на фотографиях и спрашиваем там людей. Я уверен, мы обязательно что-нибудь найдем, а может и кого-нибудь.

– Не уверен, что получится уговорить отца.

– Я буду очень сильно стараться и подключу своего отца.

Они все-таки дружат. Жаль, конечно, что они не дружили в то время. А то можно было тогда все у моего отца выпутать.

– Да. Ладно, давай попробуем. Может быть, и выйдет что-то путное.

Глава третья

Вокруг меня чернота. Снова она заполонила все вокруг. Я ничего не вижу. Ничего кроме темноты. Но это не просто темнота, она почему-то гуще воздуха. Я словно в неведении. Это темнота несет меня куда-то медленным потоком. Я просто расслабляюсь и отдаю себя этой черноте. Пусть несет меня куда-нибудь. Мне уже не страшен этот хаос. Я уже даже привыкла. Я плыву, это такое приятное ощущение. Вода такая мягкая и теплая.

Течение воды очень медленное, а со временем оно вообще прекращается. Я просто парю в воде, нежной и ласковой, обволакивающей меня словно одеяло в воскресное утро. Она заставляет меня забыть в этой успокаивающей безмятежности. Я словно замираю в бесконечности вселенной. Еще чуть-чуть и я познаю все ее секреты. Но вместо этого, я открываю глаза и вижу перед собой стену. Высокую белую стену. На ней выгравировано чье-то лицо. Очень грозное. По обеим сторонам от лица были окна. Снаружи очень пасмурно. Я нахожусь в каком-то здании, и точно не на первом этаже. Может быть, на третьем или на четвертом. Мне

так кажется. Я решаю найти лестницу или лифт, чтобы спуститься вниз. Но вдруг стены и полы начинают двигаться. Я пытаюсь удерживать баланс, чтобы не упасть. Я вытягиваю руки для равновесия и слышу чей-то грозный рык. Я смотрю в ту сторону и вижу, что лицо на стене стало еще более яростным, и оно смотрит прямо на меня. В глазницах полыхает огонь, также как и во рту. Все ходит ходунгом. Я закрываю лицо руками и кричу.

– Я тебя не боюсь! Ты не настоящий! Тебя нет! – вроде бы я просто пытаюсь себя в этом убедить, а не его. Но почему-то все затихает, словно мое заклинание подействовало. Я убираю руки и осматриваюсь. Все спокойно, все встало на место. Наверное, мне и правда это показалось. Я быстрее бегу по коридору, нахожу лестницу и спускаюсь вниз.

Внизу очень темно. Рядом со мной стоит комод, на котором мерцает керосиновая лампа. Я беру ее в руки и пытаюсь осмотреть здесь все. Эта комната очень темная, и не потому что здесь нет света. Она сама по себе окрашена в темных цветах, да и дышится здесь не так легко. Вокруг много пыли, и местами с потолка свисает паутина. Очень много предметов мебели выполненных в готическом стиле – шкафы, столы, комоды, зеркала. Зеркал было очень много. И все были настолько грязными и пыльными, что невозможно было увидеть даже вблизи собственное отражение.

Вдруг позади меня пролетело что-то черное и прозрачное, но силуэтом похожее на человека, оставляя после себя

порыв ветра. Я оборачиваюсь и понимаю, что это что-то черное и полупрозрачное летит прямо на меня. Я не успеваю увернуться и вижу, как оно вгрызается своими полупрозрачными зубами мне в руку. Я ничего не делаю и просто смотрю, как это что-то высасывает через глубокий укус мою кровь. Медленно у этого создания появляются другие цвета кроме черного. Это больше похоже на девушку. Волосы ее собраны в пучок на макушке, они все такие черные, но теперь приобрели блеск и более глубокий черный цвет. Я не успеваю рассмотреть ее лучше, потому что чувствую, как кто-то стряхивает эту девушку с моей руки и тянет меня назад за собой, защищая невидимыми руками. Я знала, что он всегда рядом со мной, что он всегда будет меня защищать.

Девушка снова кидается на меня, но он успевает выставить свои невидимые руки, чтобы задержать ее. Я прижимаюсь ближе к нему. Он сдерживает девушку на расстоянии, и я могу теперь рассмотреть ее. Единственное что приобрело у нее цвет – это голова. Лицо ее очень бледное, почти белое. Зрачки черные, а радужка красная, такая же красная, как и моя кровь на ее губах и зубах. Взгляд словно у обезумевшей устремлен на меня. Она хочет продолжить свою трапезу. Она хочет вернуть себе цвет и жизнь. Я опускаю взгляд на свою руку и вижу глубокие следы, которые оставили два ряда ее зубов на моей коже. Рана ужасная, рваная, наполненная кровью. Но почему-то я совсем не чувствую боли. Я не чувствую даже страха, что она сможет добрать-

ся до меня снова.

И она как будто сама это понимает и просто уходит прочь.

Я снова одна. Я ухожу в себя. Я не понимаю, что происходит, но это уже не так важно. Я снова одна и в новом месте.

Я оглядываюсь – я в лабиринте. Насколько он большой? Есть ли выход? Мне все равно. Я не собираюсь никуда идти. Я просто стою на месте, мое сознание в состоянии невесомости. Оно выше всего этого, оно отреклось от земного.

Обратно вниз меня вернул внезапно появившийся силуэт. Это был он. Это точно был он. Его силуэт я всегда смогу узнать, даже если видела его всего секунду. Я бегу вслед за ним. Главное успеть. Главное догнать. Но я не успеваю. Я теряю его из виду. Где же он? Я даже не знаю твоего имени. Я не могу тебя позвать. Подскажи где ты? Я слышу удаляющиеся шаги и иду на звук. Но он вскоре затихает, а я натываюсь на тупик. Надо возвращаться. Надо найти его. В нем мое спасение. Он всегда мне помогает.

Я возвращаюсь обратно, бегу в другой проем. Но новый коридор снова приводит меня в тупик. Я снова возвращаюсь. Я уже запуталась. Я не помню, в какие проемы я забегала, а в какие нет. Забраться на стену не возможно. Она слишком высокая и гладкая. Я просто бегу вперед, куда ведут меня мои ноги. Я бегу из коридора в коридор в поисках моего сокровища. Но он словно куда-то пропал или уже нашел выход

из лабиринта. А я все никак не могу. И снова тупик. Но нет. Это не совсем тупик. Здесь есть дверь. Я поворачиваю ручку и открываю ее.

Комната. Это кухня. Не очень богатого убранства, но и не бедного. Видно, что семья, что здесь живет среднего достатка. На плите готовится еда. Стол накрыт, ожидаю прихода семейства. Видимо они пока сидят в соседней комнате, потому что за дверью раздаются голоса и детский смех. Интересно, а какая у меня семья? Они наверное волнуются за меня. Надеюсь.

Вдруг дверь открывается дверь и на кухню заходит мужчина. Он подходит к холодильнику, достает оттуда молоко и ставит его на стол. Он не обращает на меня никакого внимания. Значит, он меня не видит? Но почему? Значит, я действительно умерла? Не знаю. Но мужчина продолжает, не обращая на меня внимание. Он открывает дверцу мойки и достает оттуда какое-то сильное чистящее средство, кажется. Наверное, собирается что-то мыть. Но я ошибаюсь. Вместо этого он открывает бутылку с молоком и наливает туда это средство. Зачем? Что он хочет? Неужели он собирается отравить свою семью? Нет. Не может быть. После всех манипуляций, он ставит средство обратно в мойку, а молоко в холодильник. И уходит. Надо вылить молоко. Я захожу внутрь и бегу к холодильнику. Хватаюсь за ручку – но рука проходит сквозь нее. Я пробую снова и снова – не результат тот же. Я не могу этого сделать.

Тут на кухню заходит семья. Сначала заходит женщина, темноволосая, кареглазая, красивая. За ней заходит девочка лет пяти-шести. У нее в руках плюшевый зайчик. Последним заходит тот самый мужчина. Он улыбается, но взгляд его полон грусти и решительности.

Все усаживаются за стол, кроме мамы. Он подходит к плите, выключает ее и накладывает еду. Расставляет тарелки на столе, затем она направляется к холодильнику.

– Нет! – кричу я. Но меня никто не слышит.

Мама открывает холодильник, достает оттуда молоко и идет к столу.

– Нет, не надо. Нельзя! Оно отравлено! – пытаюсь я докричаться. – Пожалуйста! Не наливай его! – я кричу так громко, как только могу.

Но она продолжает, она наливает каждому молоко. Затем и она садится за стол.

– Молоко не вкусно пахнет. – вдруг говорит девочка. Надежда вновь вспыхнула во мне.

– Не придумывай. Нормально оно пахнет. Тебе всегда что-то да не так. То пахнет не так, но выглядит противно. Вспомни, как ты не хотела есть сырнй суп, но он же оказался вкусным.

– Нет, послушайте ее. – говорю я обращаясь к ее маме. Но все без толку. Что же мне сделать? Я снова пытаюсь рукой выхватить эти стаканы – он рука проходит сквозь них.

– За нашу семью. – вдруг говорит глава семейства подняв

свой бокал с молоком.

– За нас. – повторяет за ним его жена. Девочка тоже поднимает бокал. И затем они подносят бокалы к губам.

– Нет! Нет! Не надо! – я кричу так сильно, что срываю голос и больше не могу вымолвить и слова.

Но они все равно его пьют. Залпом. Все до последней капли. Все кроме девочки.

– Фу! – говорит девочка и начинает отплевываться. – Я не буду это пить.

Папа берет ее стакан и подносит к ее рту.

– Надо.

– Нет. Я не хочу. Оно не вкусное. – повторяет девочка.

– Я сказал пей! – говорит отец. Он очень сильно нервничает. Его начинает трясти.

– Но оно, правда, ужасное на вкус. Может просроченное или бракованное? – вдруг говорит его жена.

– Нет. Доченька, пожалуйста, выпей его. – говорит он, а у самого дрожит рука на глазах слезы.

– Что ты сделал? – догадывается его жена. – Что ты туда добавил?

– Это уже не важно. Доченька, прошу выпей его, ради меня, ради мамы, давай.

Девочка смотрит на него и тянется губами к стакану.

– Вот и умничка... – но он не успевает договорить.

– Нет, не пей! – кричит ее мама. Но она тут же садится на стул, а затем сползает на пол, корчась от боли и хва-

таясь то за горло, то за живот. То же самое происходит и с папой. Злосчастный стакан для дочки падает и разбивается вдребезги, обливая все вокруг.

– Мама? Папа? – голос девочки дрожит. – Что с вами? – спрашивает она их. Но они в ответ лишь корчатся от боли. Девочки подбегает то к маме, то к папе. Но она не в силах что-либо сделать. Она плачет. Очень громко. Я начинаю плакать вместе с ней.

Вдруг девочка успокаивается и резко встает. Что же она задумала? Что-то случилось? Надеюсь, она не решила тоже выпить эту отраву? Но девочка поворачивается ко мне и начинает смотреть прямо мне в глаза. Значит, она меня видит?

– Почему ты его не выпила тогда? – спрашивает она меня.

– Кого? – удивленно откликаюсь я.

– Отравленное молоко. Если бы ты его выпила, то сейчас бы не мучилась так.

– Что? Что ты говоришь?

– Я знаю, ты жалеешь об этом. Но теперь у тебя не хватает на это смелости. – продолжает говорить мне девочка. – Маргарита, помнишь, как тебя называли родители в детстве?

«Маргаритка» – тут же появляется голос отца в моей голове.

– Маргаритка. – повторяю я вслух.

Девочка ухмыляется мне в ответ и исчезает в ту же секунду.

Дверь закрывается прямо перед моим лицом и растворяется в стене. По моим щекам текут слезы. Мама? Папа?

Папа, зачем ты это сделал?

Силы покидают меня, и я падаю назад. Я падаю спиной вниз. Я вспомнила. Я вспомнила своих родителей, как мы были счастливы. Мы жили в большом красивом доме. Но потом у папы что-то произошло на работе, и мы переехали в эту злосчастную квартиру. Да мы стали беднее жить, но мне казалось, что мы все еще были счастливы. Пока не случилось это. Почему пап решил, что так будет лучше? Неужели все было настолько плохо, что он не смог этого выдержать?

Еще я вспомнила, что потом меня забрали в детский дом. Более я ничего не могу вспомнить. Я все еще падаю. Куда я падаю? Я не знаю. Я падаю спиной вниз, и переворачиваться мне не хочется. Но больше меня волнует другой вопрос. Почему сейчас мне уже не больно, когда я вновь начинаю прокручивать события того дня? Да, сначала мне было больно осознать это. Но потом вдруг стало легче, будто я уже давно свыклась с этим. Интересно сколько мне сейчас лет? Кем были мои родители. Мне кажется, они очень меня любили. И я их очень сильно любила. У меня не получается вспомнить все из своего детства, но некоторые отрывки из моих воспоминаний говорят о том, что мы действительно

были любящей семьей. Я помню, что мы часто ходили гулять, часто играли вместе.

Значит, я была единственным ребенком в семье. У меня не было ни братьев ни сестер. Я не помню, чтобы у нас были еще родственники. Мне кажется, я так и осталось в детском доме. За мной так никто и не пришел. Как же я жила? Я думаю, мне больше двадцати. А значит, я уже должна была покинуть детский дом.

Что я делала потом? Были ли у меня друзья? Где похоронены мои родители? Я была у них хоть раз на могиле? Может я сильно злилась на них раньше? Но сейчас я точно не злюсь, только грущу немного. И кто же он? Как его зовут? Он мой парень? Мой муж? Есть ли у меня дети? Как я живу? Живу ли я вообще? Что же со мной произошло? Где найти ответы на эти нескончаемые вопросы? Я продолжаю лететь медленно вниз, в голове продолжают появляться все новые и новые вопросы. Кем я работала? Я же встречала свою коллегу несколько раз. Надо было ее спросить, даже если бы это показалось глупым. Но в тот момент я была сильно напугана и не понимала, что происходит. Хотя я и сейчас ничего не понимаю.

Я приземляюсь на что-то мягкое. Солнце светит ярко. Очень ярко. Жарко. Я чувствую запах свежей травы и полевых цветов. Я поворачиваю голову, и прямо перед моими глазами расстилается зеленая трава. Солнце просвечивает своими лучами ее листики и стебельки. Из-за солнечных лу-

чей трава кажется очень яркого салатового цвета. Я протягиваю руки вверх и потягиваюсь, а потом ложусь удобнее, раскинув руки в стороны. Все дурные мысли и вопросы уходят. Хочется просто раствориться в природе, забыться. Я глубоко вдыхаю аромат травы, полевых цветов и солнца. Немного задержав воздух внутри легких, я медленно выдыхаю. Так легко и спокойно на душе. Как будто ничего не произошло. Как будто все хорошо.

Я слышу свое равномерное дыхание и сердцебиение. Я слышу ветер, что шелестит листву. Я чувствую, как дуновение доходит до меня, как оно шевелит мои волосы. Щекотно. Но так здорово, я так по этому соскучилась, что аж слезы наворачиваются на глаза. Птицы начинают тихонько щебетать, а некоторые даже поют. Я закрываю глаза, чтобы насладиться их пением в полной мере. Ветер то стихает, то снова начинает сдувать теплые лучи с моего лица. Прекрасное чувство. Не хватает только его рядом, для идеального счастья. И тут я чувствую, как он гладит меня по щеке. Идеально. Я открываю глаза и вижу, что он лежит рядом, подпирая рукой голову, чтобы смотреть на меня.

Он перемещает руку с моего лица на талию и обнимает. Он притягивает меня ближе к себе. Я поворачиваюсь всем телом к нему и обнимаю его в ответ. Я прячусь в его объятиях. Он обнимает еще крепче, защищая меня собой. Счастье наполняет меня. И все же внутри остается какое-то странное чувство. Такое чувство, что чего-то не хватает.

Счастье не полное. Причем не хватает чего-то очень важного и ценного для меня. Но чего? Я никак не могу понять и вспомнить. Раньше такого чувства не было. Хотя я раньше не могла так глубоко сосредоточиться на своих чувствах и эмоциях.

Я поднимаю взгляд на него. Он смотрит на меня. Впервые я замечаю, какие у него глаза. Они темные, почти черные. И волосы у него тоже черные. Но при этом, он кажется очень светлым и добрым. Он приближается и нежно целует кончик моего носа, а затем дотрагивается до моего носа своим и мягко проводит им, переходя на лоб, а потом и на щеки. Он целует меня в лоб, а затем каждую щечку. Он такой ласковый и нежный. Так приятно.

Вдруг резкая боль пронзает меня. Я сгибаюсь, поворачиваюсь на бок и сворачиваюсь калачиком. Кажется, что если так сделать, то боль постепенно стихнет и уйдет. Но нет. Новая волна боли накрывает меня. Я ощущаю ее всем телом. Я не понимаю где источник боли. Мне кажется, что я умираю. Я не могу двинуть и пальцем. Становится трудно дышать. Я начинаю хрипеть. Боль утихает, но дышать становится все труднее и труднее. Я хватаюсь за горло, пытаюсь хоть что-то сделать, но что? Голова начинает кружиться. Горло будто что-то сдавливает. Кажется, что легкие сейчас лопнут. Я пытаюсь встать, но падаю. Вокруг меня снова расстелилась чернота. Я пытаюсь снова встать, хочу уцепиться за что-нибудь, но за темноту нель-

зя ухватиться. Я снова падаю. Падаю и растворяюсь в черноте, теряя сознание.

Максим ушел. Я дома один. На улице уже поздно и темно. Завтра снова идти на работу, поэтому я точно сегодня никуда не пойду. Единственное, что мне остается это подумать об альтернативных решениях. Отец вряд ли согласится, поэтому нужно быть готовым и придумать другой план. Но на ум как назло ничего не приходит. Есть только два варианта. Первый это заболеть. Но если заболею не сильно, то придется работать. А если заболею серьезно, то не буду способен хоть что-нибудь сделать для поисков матери. Второй вариант – сбежать. Но если я сбегу, то отец вряд ли меня простит и примет, когда я вернусь. Да и мне самому не хочется предавать его доверие. Хотя с другой стороны, я итак это делаю, ведь я занимаюсь поиском матери.

Но есть еще один вариант. Возможно, Макс и сам сможет хоть что-нибудь найти. Он единственный, кто может мне помочь в этой ситуации.

Наступает ночь. Я засыпаю.

Просыпаюсь я из-за ужасной мелодии будильника. Хотя изначально мелодия мне очень нравилась, но когда ставишь любимую мелодию на будильник, будь готов ее возненавидеть вскоре. Понедельник. Снова нужно идти на работу.

Новая неделя на работе как обычно встречает меня различными поручениями, которые повторяются изо дня в день с какой-то периодичностью, которую я никак не могу разгадать. Меня все называют по имени – Платон. Никто не знает, что я сын их самого главного начальника. А если бы узнали, то точно бы не стали вымещать на мне свое плохое настроение и ругать независимо от того, справился ли я с их заданием или нет. Но мне не привыкать. Мне даже нравится быть в их глазах обычным подчиненным. Со многими из них даже наладил дружеские контакты, и они часто делятся со мной какими-то личными проблемами. Но больше всего мне интересно слушать то, что они говорят о моем отце.

Высказывания о нем я слышу совершенно разные. Если он кого-то вызвал лично и отругал, то отношение к нему сразу резко негативное. Если же наоборот публично при всех похвалил, то те люди практически поют ему хвалебные песни. Но большинство мнений скачут от отрицательных к положительным и обратно. И только трое из тех, кого я знаю, относятся к нему, я бы сказал, по-человечески. Они понимают, что он начальник, и он должен и ругать и хвалить и увольнять, если человек допустил непоправимые ошибки. Они понимают, что он такой же человек, как и все мы. Этих людей я очень сильно уважаю.

Первый день проходит как обычно – спокойно. Отец в отъезде и большинство работников в расслабленном состоянии. Меня особо никто не гоняет. Но вот когда он вернется,

хуже всего будет не им, а мне. Потому как к этому времени накопится очень много всего того, что они могли бы поручить мне раньше. Но все слишком ленивые, когда начальника нет на месте. И мне ничего не остается, как тоже расслабиться. Домой я прихожу чуточку раньше.

Сегодня я могу позволить себе приготовить что-нибудь интересное. Ах, я совсем забыл, ведь сегодня должна прийти Вероника, наша помощница по дому. Об этом мне напоминает очень приятный аромат из кухни. Но прежде чем пойти на этот запах, я поднимаюсь в свою комнату, принимаю быстро душ, переодеваюсь и спускаюсь наконец-таки вниз.

Вероника уже приготовила приборы и поставила на стол все, что приготовила – запеченное мясо, салат из свежих овощей, сыр и апельсиновый сок. Она знает, что я люблю запивать соленую еду сладким соком.

– Составите мне компанию? – как обычно спрашиваю я. – Отец опять уехал. Не хочется есть одному. – оправдываюсь я.

– Конечно. – Вероника улыбается мне и ставит еще один прибор на стол. Она садится напротив.

Веронике около пятидесяти. Но я даже не знаю ее отчества. Как-то раз я спросил ее, но она сказала, что ей нравится когда ее называют по имени, потому что она так не чувствует себя такой старой. Но на самом деле, она не выглядит на пятьдесят, скорее на сорок. У нее есть несколько седых прядок, но они придают ей некий шарм и совсем не старят.

Она часто составляет мне компанию на ужин, если я ко-

нечно, не прихожу домой слишком поздно после работы. Она работает у нас не очень давно, примерно два года. Я не знаю почему, но отец постоянно меняет наших помощниц. Словно он не доверяет им или боится, что я к ним привяжусь слишком сильно. Возможно, если бы у нас была постоянная помощница, то она смогла хоть немного заменить мне маму. Может он именно этого и боялся.

Вероника словно добрая тетя для меня. Она всегда улыбается и подбадривает меня. Но этого конечно мало. К тому же папа по любому уволит ее через пару месяцев. И наймет другую, к которой снова придется привыкать.

Мы с Вероникой ужинаем и иногда поддерживаем разговор. Она всегда спрашивает меня о работе. Я всегда интересуюсь, как у нее прошел день. Но вот ужин подходит к концу, Вероника убирает со стола, моет посуду и уходит.

И я снова остаюсь один. Не хочется ничего делать. Я решаю лечь спать пораньше.

Просыпаюсь я среди ночи из-за ужасного кошмара. Это кошмар преследует меня вот уже несколько последних месяцев. Чем чаще я думаю о маме, тем чаще он мне снится. Во сне я ищу свою маму. Я ищу ее везде, где только можно, но никак не могу найти. И когда я наконец нахожу ее, то оказывается я ей совсем не нужен. Потом узнает отец. Он выгоняет меня из дома. И в конце концов, оказывается, что я никому не нужен в этом мире.

Когда я просыпаюсь от этого кошмара, на улице еще тем-

но. Время еще только три часа ночи. Можно еще поспать. И приходится ложиться спать с этим противным чувством ненужности. Но делать нечего, да и спать ведь хочется, потому что еще на работу утром вставать и идти. Поэтому приходится стараться, чтобы уснуть.

Утром снова будит мелодия будильника. Снова я отправляюсь на работу. Снова прихожу и ужинаю вместе с Вероникой. И снова остаюсь один. Сегодня мне везет, и я сплю спокойно.

И снова будильник и снова все заново. Так все проходит до субботы. Но на этой неделе суббота оказалась счастливой – приезжает отец.

Он не предупреждает заранее. В выходные Вероника не приходит, и поэтому мне самому приходится открывать дверь кому-то, кто настойчиво стучит в нее. Я очень счастлив увидеть отца за этой дверью. Я его люблю несмотря ни на что. Пусть даже он и не хочет, чтобы я искал мою маму, все равно я его люблю и уважаю. Он радостно обнимает меня и хлопает по плечу.

Мы проходим внутрь, он что-то говорит о хорошо прошедших переговорах. Затем он идет наверх, а я иду готовить завтрак. Наконец-то мы сможем позавтракать вместе. Я жарю яичницу с сосисками. Мы часто ели такое, когда я был маленьким. Папа спускается через некоторое время вниз, а у меня уже накрыт стол и я сижу и жду его.

– Мне звонил папа Максима. – через несколько минут по-

сле того как мы начали завтрак начинает разговор папа.

– Правда? – я и не думал, что Максим начнет действовать так быстро, но это даже лучше.

– Он сказал, что вы с друзьями хотите съездить отдохнуть через месяц?

– Да. Они меня звали.

– Ты хочешь?

Он впервые меня спрашивает. Только в детстве он спрашивал, чего я хочу, а чего нет. А когда я повзрослел, то он просто ставил перед фактом и все. Поэтому меня очень сильно удивил его вопрос.

– Да. Я хочу поехать с ними.

– Хорошо.

– Хорошо?

– Да.

Вот так просто разрешает? Мне даже кажется, что все это послышалось. Но я смотрю на отца и вижу, как он слегка улыбается и кивает мне.

– Папа Максима был очень убедителен. И раз уж ты сам этого хочешь, то почему бы нет. К тому я звонил твоему начальнику, и он отзывался о тебе очень положительно. Так что я думаю, что ты заслужил отдых.

– Спасибо, пап. – говорю я ему. Я улыбаюсь во все зубы и никак не могу перестать.

– Это тебе спасибо, что не позоришь меня и хорошо работаешь. Молодец.

Папа меня хвалит, это так необычно. Я уже давно не слышал таких приятных слов от него. Я одновременно чувствую счастье и грусть. Я счастлив, что папа наконец увидел, как я стараюсь. А грустно мне, потому что чувствую еще больше, что предаю его. Он меня отпускает, чтобы я отдохнул с друзьями. А я вместо этого обманываю его, поеду, чтобы искать маму. Надеюсь, он меня не возненавидит или хотя бы простит со временем.

Остальную часть завтрака мы говорим мало. А после завтрака папа уезжает на работу. Все-таки он отсутствовал целую неделю, нужно теперь проконтролировать, как справились сотрудники без него.

Я остаюсь дома наедине со своими мыслями. Может все-таки прекратить поиски? Все-таки нехорошо обманывать отца. Да и сны меня эти уже достали. А вдруг так все и будет? Вдруг, я так ничего и не добьюсь. Вдруг, в конце концов, меня все оставят и бросят? Вдруг, я своими поисками сделаю хуже не только себе, но и другим?

Я поднимаюсь наверх к себе в комнату и ложусь на кровать. Я думаю о том, что же мне все-таки делать. Я беру со стола телефон и набираю номер друга.

– Да? – отвечает голос Максима в трубке.

– Привет. – говорю я ему.

– Ну, привет. Что случилось?

– Как тебе это удалось?

– Что удалось?

– Уговорить моего отца?

– Ааа, ты об этом. – я слышу как он улыбается в трубку. –

Да, я просто пожаловался своим родителям, что твой отец уже два года не дает тебе отпуск. И что из-за этого мы никак не можем собраться. В общем, я долго ныл и жаловался, поэтому мои родители позвонили твоему. Но они мне сказали, что он не совсем согласился. Он сказал, что подумает об этом. Так значит, он тебя отпускает?

– Да. Сказал, что даст мне месяц, чтобы отдохнуть и встретиться с друзьями.

– Интересно, что же все-таки сподвигло его согласиться? Вряд ли только уговоры моих родителей.

– Ну, он мне сказал, что еще звонил мой начальнику, спрашивал, как я работаю. И тот меня похвалил. Так что вот.

– Это хорошо, что ты все это время усердно работал, а не отлынивал.

– Да.

– Тогда поздравляю.

– Спасибо. – отвечаю я ему.

– А чего так грустно? Что тебя тревожит?

– Да ничего. Все нормально. Все как нельзя хорошо.

– Я же слышу. Давай рассказывай.

– Все-таки ты меня очень хорошо знаешь. Даже лучше чем я себя.

– Я же твой лучший друг. Ну, так что? Давай выкладывай.

– Я просто переживаю. А нужно ли мне это? Я не хочу

обманывать отца.

– Конечно, нужно. Ты ведь так давно этого хочешь. К тому же ты имеешь право знать. А ведь сейчас он обманывает тебя.

– Ну, он меня не обманывает.

– Ну, хорошо не обманывает, но ведь и не говорит ничего. А ты имеешь полное право знать о своей маме. Если бы он сказал тебе, то ты бы и не искал ее сейчас. Так что хватит об этом думать и переживать. Лучше давай договоримся, когда мы с тобой поедем?

– Ты сегодня свободен?

– Да, вполне.

– Давай тогда встретимся сегодня в кафе возле твоего дома?

– Ладно, тогда давай часа через два? Ты же успеешь собраться и приехать?

– Да, успею. Тогда я пойду собираться.

– Ага, давай.

Я кладу телефон на стол и начинаю собираться. Я одеваюсь, беру сумку и спускаюсь вниз. Слегка перекусив, я выхожу, беру свой велосипед и еду на встречу к своему другу. Я полон энтузиазма. Слова Макса смогли меня успокоить и вдохновить. Настроение сразу улучшилось. Погода сразу кажется хорошей, а не жаркой, солнце ярким, а не испепеляющим. Все кажется прекрасным.

Я подъезжаю к тому самому кафе и уже вижу, что Макс

сидит внутри и ждет меня. Оставив велосипед снаружи, я захожу внутри и сажусь напротив друга.

– Я знал, что ты приедешь быстро, поэтому вышел пораньше.

Я лишь усмехаюсь в ответ. Я снова убеждаюсь в том, как хорошо меня знает мой друг. Он сидит за столом возле окна. На столе перед ним лежит какой-то блокнот и ручка.

– А это зачем? – спрашиваю я, кивком головы указывая на блокнот.

– Будем записывать все. Чтобы не забыть. Чтобы был какой-то план.

– Но ведь есть же телефон.

– Ну, с блокнотом куда интереснее.

– Ясно. – снова я усмехнулся. Макс всегда удивляет меня.

– Так с чего начнем? – спрашивает он меня.

– Давай сначала закажем что-нибудь, а потом уже начнем все обсуждать.

– Хорошо.

Мы заказываем еду. Пока нам ее готовят, мы начинаем обсуждение. Макс достает из сумки какие-то бумаги.

– Что это?

– Я распечатал фотографии фотографий, как бы это смешно не звучало.

– Ясно. Всего у нас пять локаций, скажем так. Надо посмотреть, как далеко они находятся от нас и по отношению друг другу.

Мы полностью погружаемся в обсуждения, что не замечаем, как нам приносят еду. Мы откладываем на время бумаги и едим. Затем снова возвращаемся к нашему маленькому расследованию. К счастью все они находятся не далеко друг от друга. Но к сожалению далековато от нас. Придется лететь на самолете, чтобы не тратить на это слишком много времени. Мы распределяем порядок, чтобы как можно эффективнее все прошло.

– Ты еще не говорил со своим начальником об отпуске?

– Нет, еще. В понедельник поговорю.

– Тогда сразу же сообщи мне и я закажу билеты.

– Ты поедешь со мной?

– Конечно, как же я тебя брошу в такой момент. Ты от меня так просто не отвяжешься.

– Я и не хочу отвязываться, но и заставлять тебя тоже не хочу. Так что если не хочешь или не можешь, я не обижусь, честно.

– Я знаю. Но мне очень хочется тебе помочь. И если нам удастся, то я смогу познакомиться с твоей мамой. Мне очень интересно, похож ли ты на нее? Может быть, у вас будет внешняя схожесть? А может, будете походить характерами?

– Внешне я почти копия своего отца ты же знаешь.

– Ну, может, будут какие-нибудь схожие черты.

– А вот характер, может быть и мамин. По крайней мере, у нас с отцом разные характеры.

– Действительно. Если у нее такой же характер, то она точ-

но хорошая. Если она тебя и оставила, то наверняка у нее были на это серьезные причины. Я в этом уверен.

– Спасибо.

Мы еще некоторое время говорим о том о сем, а затем расходимся. Я возвращаюсь домой на велосипеде.

Папа уже дома. Он ждет меня в гостиной. По крайней мере, мне так кажется, что он ждет меня, потому что он обычно сидит у себя в комнате и его редко можно увидеть сидящим в гостиной.

– Наконец-то ты вернулся.

– Давно ты меня ждешь?

– Да нет. Я тут ужин нам приготовил, так что иди мой руки, и мы будем ужинать.

– Хорошо.

Я поднимаюсь наверх в недоумении. Папа в последнее время какой-то странный. Он меня немного беспокоит, но очень сильно радует. Как-то это странно. В последний раз он готовил ужин на мое десятое день рождения. После этого он перестал это делать. Мы стали реже видеться. А сейчас он разрешает мне уйти в отпуск и уехать с друзьями, к тому же еще и ужин готовит. Я мою руки, переодеваюсь и спускаюсь вниз. На столе уже все готово. Все стоит и дожидается, когда мы сядем и все съедим. Папа приготовил мои любимые блюда – запеченная курица с картофелем, греческий салат и даже купил бисквит. Я стою и смотрю на все это в немом шоке.

– Просто я подумал, что уже очень давно ничего не гото-

вил. Я помню, как ты любил есть приготовленную мной еду. Ты прости, что не уделял тебе время последние несколько лет.

– Ты помнишь, какие у меня любимые блюда.

– Конечно же, я помню. Я же твой отец. Давай кушать.

– Давай. Спасибо.

– Прости меня.

– За что?

– За все. За все те годы, что был плохим отцом и не замечал тебя.

– Ну что ты, я же знаю, что ты очень занят из-за работы.

– Все равно это не оправдание. Ладно, давай есть, а то все остынет.

Мы едим молча, почти не разговариваем. Мы слишком отвыкли от общения друг с другом. Я даже не знаю, на какие темы можно с ним поговорить. Но и этого вполне хватает. Интересно, это лишь разовое проявление отцовских чувств? Или у него действительно что-то проснулось внутри?

Я мою посуду, папа вытирает. А после каждый уходит в свою комнату. Он, наверное, тоже чувствует некую неловкость. На первый день достаточно общения я думаю.

В эту ночь мне снова снится все тот же кошмар. Я просыпаюсь посреди ночи и иду на кухню. На кухне почему-то горит свет. Я захожу и вижу за столом отца.

– Не спится? – спрашиваю я его.

– Да, сон странный приснился.

– Кошмар?

– Нет, просто странный. – отвечает он мне грустно. – А ты что здесь делаешь так поздно?

– Тоже сон, только неприятный.

– Ясно.

Я подхожу к кувшину с водой и наливаю себе.

– Налить? – спрашиваю я.

– Нет, я уже выпил. – отвечает папа.

Я сажусь напротив и выпиваю свой стакан. Затем мы просто сидим несколько минут в полной тишине. Я лишь надеюсь, что он не будет расспрашивать меня о моем сне, но он видимо и не собирается.

Он погружен в свои собственные мысли. Он настолько сильно о чем-то задумался, что даже не обращает внимание на то, что я за ним внимательно наблюдаю. Изначально у меня не было такого намерения. Но я впервые вижу его в таком странном состоянии. Да он конечно бывает задумчивым, но обычно это связано с работой, с какими-то бумагами и договорами. А сейчас он выглядит так, словно что-то грызет его изнутри, что-то очень личное и очень грустное. Я даже вижу малую искру страха в его глазах. Что же его так тревожит? Может это как-то связано с мамой? Может он что-то узнал о ней? А может он узнал о моих истинных намерениях? Но это вряд ли, иначе он уже давно бы устроил скандал.

– Что-то случилось? – наконец осмеливаюсь задать я вопрос.

– Что? – озадаченно переспрашивает он меня. Видимо он не расслышал мой вопрос.

– Что-то случилось? – повторяю я свой вопрос.

– Нет. Все хорошо. – отвечает он.

– Тогда почему ты такой странный?

– Разве?

– Да.

– Просто... – папа немного запнулся, видимо думает что сказать. – Просто проблемы на работе.

– У тебя и раньше были проблемы, причем очень серьезные. Но ты никогда не был таким, как сейчас. Тебе что-то тревожит. Я вижу, что что-то случилось у тебя, а не в компании. Что же случилось?

– Мы с тобой редко видимся и почти не общаемся, а ты все равно видишь меня насквозь и понимаешь. – отец медлит с ответом. Он явно пытается придумать какую-то отговорку. – Не переживай за меня. Я со всем разберусь. Это не такая уж и серьезная проблема. Не волнуйся. Лучше подумай, как вы с другом отдохнете.

Я киваю в ответ. Лучше, наверное, не трогать его сейчас и не настаивать на своем. Когда придет время сам расскажет, если посчитает нужным.

– Ладно. Я пойду спать. И ты тоже иди. – говорит мне отец, вставая со своего места и направляясь к выходу.

– Спокойно ночи. – говорю я ему. Мы желали спокойной ночи друг другу только в детстве. Но почему бы не начать

снова это делать? Папа останавливается на половине пути и оборачивается.

– Спокойно ночи. – отвечает он мне, смотря прямо на меня и улыбаясь. Затем он выходит из кухни. Я все еще сижу на стуле и думаю.

Я помню свое детство примерно лет с пяти, может с четырех. Интересно сколько мне было, когда мама ушла? А может она вообще оставила меня сразу после рождения? Не знаю, откуда, но в последнее время, внутри возникло чувство уверенности. Я верю, я знаю, что мама меня не бросала. Мне кажется, он ищет меня. Может, конечно, я просто хочу сам себя в этом убедить. Может просто мое подсознание пытается меня успокоить и убедить в этом. Но все-таки, мне кажется, что она ищет и ждет нашей встречи. Я это чувствую.

С этими мыслями я встаю со своего места и иду наверх к себе. Пора ложиться спать.

Глава четвертая

Яркий белый свет слепит глаза, хоть они и закрыты. Очень больно. Очень больно, просто невыносимо. Ужасно. Скорей бы все закончилось. Мне все равно как, лишь бы это закончилось.

Вдруг боль уходит. Вместо нее появляется темнота. Так тихо и спокойно. Я не чувствую своего тела. Словно его больше не существует. Словно осталась только моя душа, которая парит в этой темноте. Я умерла? Если да, то хорошо. Не хочу больше чувствовать эту ужасную боль. Сейчас я чувствую себя как никогда замечательно. Умиротворение, я и не знала, насколько прекрасно это чувство. Оно даже лучше чем счастье. Если бы я всегда могла чувствовать умиротворение. Наверное, так себя ощущает ребенок внутри матери.

Яркая вспышка молнии в этой темноте застаёт врасплох. Вместе со вспышкой приходит и ощущение собственного тела, а за ними приходит, тут же заполняя все рецепторы невыносимая боль. Я кричу, но мой рот закрыт. Сил не хватает, я кричу в душе, потому что ничего не могу сде-

лать. Я словно кукла без кукловода. Я не могу двинуть и мышцей. Вспышка за вспышкой ослепляют меня вновь, отдаваясь в теле новыми невыносимыми волнами боли. Вместе с ними появился странный громкий шум в ушах. Горло раздирало от криков, которые никак не могли вырваться наружу.

Не знаю сколько это продолжается, но кажется что целую вечность. Когда же все это закончится? Где ты? Пожалуйста, приди, защити меня от этого. Пожалуйста, пусть все это прекратится, даже если это означает смерть. Если ты убьешь меня я буду только рада. Пожалуйста, прошу тебя.

Не знаю, может он пришел и помог, я не могла видеть в этой темноте, после того как вспышки прекратились. Но стало вдруг легче. Осталась лишь ноющая боль, которая постепенно затихала. Я не знаю, что со мной происходит. Мне кажется, что я лежу, но я не чувствую на чем. Может я парю? Мне все еще немного больно, но только совсем чуть-чуть. Но хочется, чтобы боль прошла совсем.

– Все хорошо. – шепчет мне его голос. Он рядом. Он здесь. Это хорошо. Теперь я могу расслабиться. – Все хорошо. – снова повторяет он. Я хочу ответить ему, но не могу. – Прости меня. Это я во всем виноват. – и снова язык меня не слушается. У меня не получается произнести и звука. Он кладет свою ладонь поверх моей. Я его не вижу, я даже не могу открыть глаза, но я его слышу и чувствую тепло его

руки.

Боль прошла и я чувствую свое тело. Я хочу положить свою руку на его ладонь, но снова не выходит. Я уже не кукла без кукловода. Нет, просто мое тело устало и обессилело после всей той ужасной перенесенной боли. У меня просто нет сил, даже открыть глаза. Хочется спать. И я засыпаю, я могу себе это позволить, ведь он рядом со мной.

Он продолжает что-то шептать мне, но я не слышу, я медленно проваливаюсь в сон.

Я маленькая. Мне всего лишь четыре года. Я бегу по большой зеленой лужайке в парке. В руках у меня леска от воздушного змея, которого запустил в небо папа. Теперь я им управляю. Я бегаю и смеюсь, а родители наблюдают за мной и умиляются. Я смотрю на все это словно со стороны, но зато я вижу все – и себя и родителей.

Я бегаю и веселюсь, как вдруг змей просто падает на землю в нескольких метрах от меня. На моих детских больших глазах тут же появляются слезы, такие же большие. Я беру разноцветного змея в руки и подбегаю к отцу протягиваю его ему.

– Запусти! – требую я.

– Солнышко. – обращается ко мне отец улыбаясь и думаю, как же лучше объяснить эту ситуацию. – Я не могу. Ветер слишком слабый, он не полетит сейчас. Давай попозже попробуем?

– Нет. Я хочу сейчас. – я начинаю плакать, ведь это са-

мый действенный способ. – Ну, пожалуйста, папа.

– Ой, смотри, там бабочка. – говорит мама указывая куда-то в сторону.

– Где? – спрашиваю я и смотрю в ту сторону.

Воздушный змей оказывается на земле. Я быстро забываю о нем, ведь впереди новое интересное открытие. Передо мной на цветке сидит самая красивая в мире бабочка, хотя на самом деле она совсем обычная. Но в данный момент она считается самым редчайшим существом на земле, за которым нужно обязательно проследить. Я сажусь на колени и поворачиваю голову немного набок, чтобы лучше рассмотреть сие творение. Ее оранжевые крылья с белыми и черными точками, обрамленные темной линией выглядят бархатными. Она медленно опускает крылья, расправляя их и показывая своя рисунок полностью. Потом она также медленно складывает их обратно. Она словно красуется передо мной. Начинает дуть легкий ветер и ее крылья трепещут на ветру. Из-за яркого солнца они кажутся даже белыми. Я закрываю глаза, чтобы они отдохнули от яркого света.

Я открываю глаза и вижу, как ветер пытается перевернуть листок книги, которая лежит прямо перед моими глазами на столе и откидывает длинную темную тень. Солнце светит очень ярко. Оно практически ослепляет, из-за пронзающих лучей, я не вижу ничего, что находится дальше моей руки, на которой сейчас покоится моя голова. Словно я заснула в школе на урок и проснулась только когда все уже

ушли, и вечернее солнце благословило класс своим появлением.

Значит, все это было лишь сном? Страшным ужасным длинным сном? Действительно ли я все закончилось? Я медленно поднимаю голову и смотрю в сторону солнца, но не выдерживаю и отвожусь взгляд зажмуриваясь. Я отворачиваюсь и осматриваюсь. Вокруг меня много парт. Но все они пустые, все уже ушли по домам. А я не хочу. Я не люблю ходить домой. Потому что у меня нет дома. То место где я живу – совсем не похоже на дом. Меня никто там не ждет, я там никому не нужно. Все что им нужно от меня это деньги, которые они получают за мое содержание. Именно за содержание. Ведь они меня совсем не любят и не воспитывают. Я прихожусь, они меня кормят, предоставляют мне ночлег и ванную. Это все.

Кажется, это и правда был лишь кошмар. Я наконец-то проснулась и теперь все будет хорошо. Наверное.

Мне тринадцать лет. Подростков никто не любит. Меня все еще терзает боль изнутри. Я помню, как я стала сиротой. Я все помню. Я лишь надеюсь, что время пролетит очень быстро. Когда я окончу школу, когда я стану совершеннолетней, я смогу переехать и жить своей жизнью. Я смогу выдержать все это. Я смогу прорваться. Я буду счастливой.

Но кроме этой уверенности и боли, есть еще одно чувство, заполнившее большую часть моего сердца. Это жгучее

ние отомстить. Я знаю, что мой отец не просто так хотел совершить то, что ему почти удалось. Его довели до такого состояния. Мама не знала, что мы были по уши в долгах. Я помню, что когда я была очень маленькой, у нас было все. У нас был большой двухэтажный дом. У папы даже была машина с личным водителем. У нас все было замечательно. Мы были самой счастливой семьей на земле. Но потом все резко изменилось. Мы переехали в маленькую квартиру. Отец приходил домой уставший и печальный. Но мама этого не замечала. И примерно через год случилась эта трагедия.

Я осталась одна. У меня не было ни дедушек, ни бабушек, ни каких-либо других родственников. Когда я попала в детский дом, то услышала много о своих родителях от наших воспитателей и других детей, которые были старше. Все они говорили одно и то же. У моего отца был друг. С этим другом они основали свое собственное дело. Они делили всю прибыль ровно между собой. Но потом что-то произошло и дела пошли хуже. Но все еще можно было спасти, только вот друг бросил отца. А папа не смог справиться сам. Он занимал деньги у знакомых, брал кредиты, но все было без толку. Некоторые говорили, что это друг с помощью своих связей мешал папиному делу. И в итоге мой отец разорился. У него не осталось ничего кроме долгов. А еще ему нужно было обеспечивать семью. И он не смог справиться с этим. Он решил это своим ужасным методом. Да, он конечно ви-

новат в том, что сделал. Но этого бы не случилось, если бы друг не сбежал и не стал ему мешать. У папы все могло и получиться. Я несколько раз была у отца на работе, и я отчетливо помню этого самого друга. И я не спущу ему это с рук. Я обязательно отомщу.

Да, теперь я все помню. Наконец-то я проснулась. Кошмары больше не тревожат меня. И все же кто это был? Он, тот, что мне помогал во сне? Кто же он? Почему у меня такое чувство, будто я его очень хорошо знаю, просто не могу вспомнить? Надо отбросить эти мысли. Все это было лишь сном. Ужасным сном, который наконец-то закончился.

Солнце скоро сядет. Надо идти. С неохотой я встаю со своего места. Я беру сумку и задвигаю стул. На сердце тяжело. Главное, не унывать. Все будет хорошо. Я это знаю. Я в это верю. Наверное. Чтобы немного улучшить настроение, я поворачиваю голову в сторону окна. Вид просто потрясающий. Закат окрашивает сначала все в золотой цвет. Солнце на закате очень приятное и теплое. На него не так больно смотреть. Солнце словно мягко прощается с нами до следующего утра. Именно поэтому я и сижу в школе допоздна. Здесь закат кажется особенно красивым. После золотистого цвета приходит оранжевый. А затем все перекрашивается в красный цвет. Я медлю, как могу. Но нельзя. Я должна торопиться. У нас уговор – я могу ходить куда захочу, главное вернуться домой до того, как зайдет солнце.

Хоть в этом они меня не ограничивают. Я вздыхаю и иду к выходу.

Вдруг вокруг вся начинает дрожать, словно на школу положили огромный смартфон. Все вокруг начинает трястись. Землетрясение – подсказывает мне мой разум. Но в нашем городке никогда не бывает землетрясений. Надо быстрее уходить, а то вдруг школа полностью развалиться. Я делаю шаг в сторону выхода, но пол впереди не дает мне его сделать и начинает ходить волнами, а затем и вообще ломается. Обломки деревянного пола падают куда-то вниз. Я хочу заглянуть туда, но не выходит. Я чувствую, как под моими ногами начинает происходить тоже самое. Дыра в полу начинает увеличиваться. Она увеличивается, а я отступаю назад. Впереди образуется огромная пропасть, как раз на пути к выходу. Я пячусь назад. Куда мне податься? Если только попробовать через окно. Все-таки второй этаж, можно попробовать аккуратно слезть. Я делаю шаг в сторону, но пол как будто слышит мои мысли и начинает рушиться именно в той стороне. Пути отрезаны, остается только отойти к стене, на которой висит доска. Я отхожу назад и чувствую, как позади меня все продолжает рушиться, только с большей скоростью. Я бегу быстрее и практически вклеиваюсь в стену с большой силой. Больно. Грохот разрушения затихает. Я осторожно поворачиваюсь и замираю в страхе.

Пропасть распростерлась повсюду. Осталась только

стена и несколько сантиметров пола, на котором я стояла. Остальное вновь поглотила чернота, прямо как в моем кошмаре. Я вижу, как немного осыпается пол прямо возле моих ног. Страшно. Я же проснулась. Почему же снова происходит что-то странное? Или я все еще сплю? Но даже если я сплю, страх все равно не проходит. А вдруг я упаду? Вдруг это не сон? Я же тогда умру. Я не хочу умирать.

Я прижимаюсь к стене сильнее, вжимаю в нее ладони, словно это поможет мне. Пол продолжает осыпаться под моими ногами. Я отступаю. Пол все осыпается и осыпается. Я уже стою на пятках, под ногами почти не осталось пола. Пол не выдерживает меня, и я срываюсь. Я падаю, но успеваю зацепиться рукой за оставшийся от пола небольшой выступ. Сумка спадает с плеча вниз, но я даже не обращаю на нее внимания. Я хватаюсь второй рукой за выступ, чтобы легче было держаться.

Подо мной чернота, вокруг чернота. Мои ноги не чувствуют ничего на что можно было бы опереться. Эта стена – единственная моя надежда. Я осторожно смотрю вниз и вдруг понимаю, что внизу вовсе не чернота, а большой безбрежный черный океан. Я вижу рябь на его поверхности, а также обломки и несколько парт со стульями. С одной стороны, можно попробовать разжать ладони и дать себе упасть туда. Можно ухватить за какую-нибудь парту, она ведь все-таки деревянная, а значит, сможет держаться на плаву. Но с другой стороны, этот океан выглядит слишком

зловещим. *Жуткий. Не хочется туда падать. Но рано или поздно я все равно упаду. Так чего ждать?*

Я слышу громкий всплеск воды, затем жуткий рев и снова всплеск воды, только уже гораздо громче. Капли долетают до меня. Они попадают мне на лицо, на одежду и руки. И они угольно черные. Они впитываются внутрь через кожу, оставляя черные пятна, словно татуировки. Я снова опускаю взгляд вниз и вижу нечто ужасное. Это какое-то существо и оно смотрит прямо на меня. Очень похоже на кита, только взгляд полный ярости и ненависти. Кожа его темно красная. А пасть полна острых зубов. Но это не акула. Наверное. Оно внимательно следит за мной. Проплывает внизу подо мной и затем исчезает под водой.

Силы начинают покидать меня. Но надо держаться. Вдруг это существо никуда не уплыло? Вдруг оно поджидает меня под водой? Я смотрю вниз, но сквозь эту черную воду не видно ничего. И в следующую секунду я вижу, как вода разверзается, и это существо появляется оттуда и приближается все ближе и ближе ко мне. Оно разевает свою пасть. Оно хочет съесть меня. Я поджимаю ноги. Зубы смыкаются буквально в метре от меня. И существо снова падает вниз, окропляя меня новой порцией чернильной воды. Оно снова скрывается. Оно точно попытается сделать это снова. И действительно, через несколько минут оно повторяет свою попытку. К счастью в этот раз ему не дается снова. Но в следующий раз ему может повезти. Что

же мне делать? Руки из последних сил держат меня на весу. Существо вновь появляется из воды. Но уже не пытаются достать меня. Оно просто плавает внизу, поджидая свою добычу. Я вижу, как мои пальцы соскальзывают. Я падаю. Я смотрю внизу и вижу ухмылку этого существа. Оно просто огромное. Существо раскрывает пасть прямо подо мной. Я падаю внутрь и вижу, как его зубы смыкаются прямо надо мной. Темнота. Я внутри. Я пытаюсь зацепиться руками и ногами за что-нибудь. Мне казалось, что внутри должно быть мокро и склизко. Но здесь почему-то мягко, сухо и тепло. Я дергаюсь и брыкаюсь, пытаюсь выбраться. Я хочу заставить это существо выплюнуть меня обратно.

И я снова падаю. Я падаю на что-то твердое и от этого очень больно. Что это? Я пытаюсь выбраться, просовываю руку вверх, и, кажется, мне удается. Я просовываю вторую руку, а затем и голову. Я трясую головой, чтобы убрать волосы с лица и вижу кровать. Я лежу на полу обернутая одеялом словно гусеница.

Значит, все-таки это был сон. На сердце сразу стало легче.

Снова кошмар. Но в этот раз все по-другому. Мама ищет меня. Она ждет меня. Она хочет встретиться со мной. Я иду ей на встречу, но все время что-то встает у нас на пути и ме-

шает. Только прохожу через одну преграду, как появляется другая. И вот мы уже близко друг от друга, осталось лишь несколько сантиметров. Еще чуть-чуть. Еще совсем чуть-чуть. Но мне не удается. Я просыпаюсь. Уже утро. Будильник еще не прозвенел, но мне все равно лучше встать, а не валяться в постели.

Я лихорадочно пытаюсь вспомнить ее лицо. Я точно помню, что смог разглядеть ее лицо. Мама во сне была молодой и красивой. Возможно, это мои детские воспоминания запомнили ее такой. Но сколько бы я ни пытался вспомнить, у меня никак не получалось. Я помню лишь, что у нее были темные волосы. И все-таки я так и не смог до нее дотянуться. Я не смог даже запомнить ее лицо.

А ведь есть вероятность того, что мы с ней уже видели друг друга. Возможно, мы даже проходили мимо друг друга. Просто прошли мимо друг друга. Хотя говорят, что матери чувствуют своего ребенка. Интересно, она меня узнает? Она поймет, что я ее сын, когда увидит? А я почувствую что-нибудь? Я не знаю и от этого мне страшно.

Рабочая неделя прошла быстро. Снова настала суббота. Можно расслабиться. Папа в последнее время уделяет мне больше времени. И мне кажется, он что-то подозревает или даже знает о моих планах. Такое чувство, что он пытается своими поступками отговорить меня от поисков мамы. Странно, что он не пытается поговорить об этом или просто запретить, как желал это раньше. А может он и не подо-

зревает. Может, он действительно хочет проводить со мной больше времени. Может, он чувствует вину за все те годы, что мало общался со мной.

Так вот, суббота. Я сплю в своей кровати. Хотя нет, не сплю. Я нахожусь в пограничном состоянии между сном и явью. Лето. Солнце светит прямо мне в комнату. Хорошо, что возле моего окна во дворе растет яблоня. Ее ветви преграждают дорогу солнечным лучам. Благодаря этому свет от солнца не такой яркий, и утром его приятно ощущать на лице. Раздается тихий стук в дверь. Может, показалось?

– Платон? Ты еще спишь? – раздается за дверью голос отца. Может, я действительно еще сплю?

Снова повторяется стук в дверь, только уже громче. Я тороплюсь, быстро вскакиваю с кровати и бегу к двери. Я резко открываю дверь и удивленно смотрю на отца.

– Так значит, уже не спишь. Или я тебя разбудил? – отец смотрит в ответ на меня также удивленно и обескуражено. Хотя ведь он первый постучал в мою дверь. Или он надеялся, что я не открою?

– Нет. Я уже проснулся. Просто валялся в кровати.

– Ясно.

Наступило неловкое молчание. Зачем он пришел? Почему стоит и молчит? Он действительно в последнее время какой-то странный.

– Что-то случилось? Тебе надо в командировку? – спрашиваю я его, чтобы хоть как-то вывести на разговор.

– Нет. Все хорошо. – снова наступило молчание. Несколько минут мы просто стояли, я с одной стороны двери, а отец с другой.

– Хочешь зайти? – спрашиваю я, наконец, прерываю эту неловкость.

– Нет. Я зачем пришел-то. Я... Не знаю, как сказать.

– Что?

– Я просто хотел провести с тобой эти выходные. Не хочешь куда-нибудь съездить или сходить? – задает он мне такой простой вопрос. Но я после этого вопроса просто не могу нормально соображать. Он так изменился за последние несколько дней. Я стою и смотрю на него огромными от шока глазами. Провести вместе выходные? – Или ты уже занят? Если занят, то ничего страшного. Съездим в следующий раз.

– Нет, нет. Я полностью свободен. – наконец я отмираю от удивления.

– Ну вот и отлично. – но папа почему-то выглядит куда более шокированным чем я сам. Неужели он думал, что я откажусь? – Тогда умывайся и спускайся завтракать. Обсудим, как проведем наши выходные за завтраком.

– Хорошо.

Отец развернулся и начал спускаться вниз по лестнице. Я аккуратно закрываю дверь. Я все еще никак не могу поверить в то, что сейчас случилось. Я иду умываться и думаю о странном поведении отца. Оно меня одновременно и пугает и радует. И что же мы будем делать? Как проведем выход-

ные? Я размышляю и одновременно чищу зубы перед зеркалом.

Все странно. Что же делать? Наверное, он и правда что-то знает. Но почему не говорит? Может отказаться? Нет, так нельзя. К тому же было бы неплохо провести с ним выходные. Мы так давно не отдыхали вместе и не веселились. Может, он мне что-нибудь расскажет, что мне сможет помочь в поисках. Хотя вряд ли конечно, ну и что.

Я переодеваюсь и спускаюсь вниз. На столе уже стоит завтрак. Картофельные оладья? Да ладно. Неужели папа умеет их готовить?

– Это Вероника приготовила. – видимо отец увидел мой пораженный взгляд и понял, о чем я думаю.

– Ясно. Кофе? Или чай? – спрашиваю я подходя к чайнику.

– Садись. – говорит мне папа в ответ. – Я сам налью.

– Да я сам.

– Садись. Дай хоть немного побыть отцом.

– Хорошо. – я сажусь за стол и смотрю за отцом.

– Чай или кофе?

– Мне все равно. Наливай то же что и себе.

– Я хотел сказать то же самое. Мне тоже все равно.

– Тогда давай кофе, ты же его любишь.

– Со сливками?

– Можно.

Наш завтрак проходит идеально с небольшой ностальги-

ческой ноткой. Мы с папой вспоминаем дни, которые мы проводили вместе, когда я был маленьким. Оказывается, он помнит о них даже больше чем я. А я думал, что только для меня они имели большое значение.

– Ну так что? – неожиданно задает мне вопрос отец. Я не сразу понимаю, что именно он имеет в виду.

– Что?

– Ты думал, куда хочешь сходить?

– Думал, но если честно, то так и не придумал.

– А ты не хочешь съездить куда-нибудь? На море, например?

– На море? В смысле на черное море? Но ведь туда же далеко лететь.

– Нет, я имел в виду на наше море. Да, оно не такое теплое, но зато очень красивое. Я покажу тебе места, где бывал в юности. Как тебе?

Я замолкаю, потому что не знаю, что и думать. У нас с Максом есть несколько мест в списках, куда собирались поехать, чтобы искать маму. И теперь отец вот так просто предлагает поехать в одно из этих мест. Что же он задумал? Может он хочет рассказать мне что-то там?

– Было бы здорово. – отвечаю я. – А что ты делал в тех местах? Ты же никогда о них не рассказывал.

– Мы часто ездили туда с друзьями, когда я был молодым. И я просто решил поделиться с тобой этим замечательным местом. Там очень красиво. Тебе точно понравится. –

папа многозначительно посмотрел на меня. Что ты хочешь мне сказать этим взглядом? Я пытаюсь понять, но это очень сложно. А спросить напрямую я побаиваюсь. Да и если бы он хотел мне рассказать что-то, то уже давно бы все сказал.

– Хорошо. Когда поедем?

– Наверное, через полчаса. Тебе хватит времени, чтобы собраться?

– Да. А что с собой мне взять?

– Сменную одежду, фотоаппарат. Деньги можешь не брать. Остальное я соберу сам. Ну и себя конечно не забудь. – папа улыбается своей шутке и начинает вставать из-за стола. – Да, кстати, посуда на тебе. – говорит он поднимаясь наверх.

Да ладно. Пусть отец и странный, но зато он такой веселый в последнее время. Что на него нашло? Но хоть за этой веселостью и чувствуется какая-то печаль, все равно я рад за него. Он давно так не улыбался.

А вдруг у него обнаружили какую-то неизлечимую болезнь, и он не хочет мне об этом рассказывать? Может быть, поэтому он хочет провести со мной как можно больше времени? Может поэтому, он и хочет меня отвезти в то место и рассказать мне о матери? Надеюсь, что все совсем не так. Надо будет после этих выходных позвонить папиному врачу и все разузнать. На сердце сразу же становится не спокойно. Ведь если все так, то это объясняет его такое странное поведение.

Так, надо отбросить плохие мысли. Все будет хорошо. Я уверен. Я заканчиваю с посудой и поднимаюсь наверх, чтобы собрать свои вещи. Я не беру слишком много. И уже через двадцать минут я спускаюсь вниз и жду отца. Может пока отец не пришел, все-таки позвонить врачу? Я достаю телефон и сумки и набираю номер, то и дело поглядывая наверх.

– Платон, здравствуй. – отвечает мне мужской сильный голос в трубке.

– Здравствуйте, Алексей Владимирович.

– Как у тебя дела?

– Да все в порядке, вроде бы. Но я хотел бы у вас кое-что узнать.

– Чем могу помочь?

– Скажите только честно, пожалуйста, ничего от меня не скрывая. Хорошо?

– Эээ... Хорошо.

– Отец здоров? У него все в порядке со здоровьем?

– Да, конечно. Он недавно как раз проходил осмотр. У него все просто отлично. А почему ты спрашиваешь?

– Просто он в последнее время странно себя ведет.

– Как это?

– Я не знаю, как это объяснить. Но он позвал съездить на море, куда он раньше ездил с друзьями. А ведь мы с ним уже давно не проводили вместе. У него точно все в порядке?

– Да, можешь за него не волноваться. У него все в порядке. – но в голосе Алексея Владимировича что-то было стран-

ным. Нет, он точно говорит правду, но что-то не договаривает. Но это сейчас не главное.

– Ясно. Спасибо вам большое. Я тогда позвоню вам после выходных. Извините за беспокойство.

– Да ничего, все в порядке. Пока.

– До свидания.

Ну, я хотя бы узнал, что у отца все хорошо. Алексей Владимирович – очень порядочный человек. Он бы не стал мне врать в этом вопросе. Я уверен. Надеюсь, что папа ничего не услышал, пока был на втором этаже. Он спускается через несколько минут, и мы выходим из дома.

– Может позвонить Веронике? Чтобы он посмотрела пока за домом? – спрашиваю я его.

– Не волнуйся, я уже позвонил. У нее есть ключи, она придет чуть позже и сразу же мне позвонит. Положи сумку на заднее сиденье и садись.

– Хорошо.

После того как я кладу вещи назад, я сажусь на переднее сиденье. Отец укладывает свои сумки в багажник и садится за руль.

– Пристегнулся? – спрашивает он, заводя машину.

– Конечно.

Так начинается наше небольшое спонтанное путешествие. Насколько я знаю, ехать нам придется несколько часов. И я понятия не имею, что нам делать все это время. О чем говорить? Снова о детстве? Я даже не знаю. Я смотрю на отца, но

он сконцентрирован на дороге. Я тоже слеую его примеру и понимаю, что мы уже выезжаем из города.

– А сколько нам ехать? – спрашиваю я, чтобы начать разговор.

– Примерно четыре часа.

– Ого.

– Да.

– А где мы будем ночевать?

– А ты где хочешь? Можем остановиться в гостинице. Но я на всякий случай взял палатку, так что можем переночевать в ней.

– В палатке?

– Да. Но если не хочешь, то не страшно

– Да нет. Наоборот, я ни разу не ночевал на природе в палатке. Интересно, каково это.

– Ну, вот и здорово.

И мы снова замолкаем.

Я сижу и тупо смотрю вперед. Папа тоже молчит и видимо даже не собирается разговаривать. Его внимание полностью устремлено на дорогу. Погода очень хорошая. Солнце конечно очень жаркое, но к счастью сегодня облачно. К тому же ветер помогает немного остужать все, что встретится ему на пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.